

15-го Мая № 10. 1865 года.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Преосвященный архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ!

Долговременное духовное поприще ваше приобрѣло особенную важность по занимаемой вами каедрѣ. При особыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, состояніе вашихъ духовныхъ чадъ требуетъ всеусильныхъ заботъ къ утверженію въ нихъ истинъ православія. Видя въ архипастырской вашей дѣятельности залогъ столь близкаго Моему сердцу преусиленія вѣренной вамъ православной паствы, въ полномъ сочувствіи къ ея благу, Всемилостивѣйше препровождаю вамъ для ношенія на глобукѣ алмазный крестъ, — священное знаменіе вѣры, одушевляющей и пастырей и пасомыхъ.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

1.

Преосвященному *Филоею*, архіепископу тверскому и кашинскому.

Въ пастырскомъ служеніи вашемъ Мы всегда усматривали постоянно-ревностное попеченіе о пасомыхъ въ духѣ кротости и любви и назидательный примѣръ строгаго благочестія. Нынѣ опытное и полезное участіе ваше въ трудахъ Святѣйшаго Синода, по званію присутствующаго въ немъ, пріобрѣло вамъ новое право на особое Наше Монаршее благоволеніе. Признавъ справедливымъ сопричислить васъ къ Императорскому ордену Нашему Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, повелѣваемъ препровождаемыя при семъ знаки онаго возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ всегда благосклонны.

2.

Преосвященному *Макарію*, архіепископу харьковскому и ахтырскому.

Ревностное служеніе ваше Церкви, начавшееся отличными учеными трудами, и нынѣ обращаетъ Наше вниманіе заботливостію о распространеніи духовнаго просвѣщенія и назидательнымъ поученіемъ паствы. Въ изъявленіе Монаршей за сіе признательности, Мы Всемиловивѣйше сопричислили васъ къ Императорскому ордену Нашему Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира второй степени большаго креста.

Препровождая къ вамъ знаки сего ордена и повелѣвая, возложивъ ихъ на себя, носить по установленію, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

3.

Преосвященному *Нектарію*, епископу нижегородскому и арзамасскому.

Въ изъявленіе Монаршаго вниманія къ усердному и полезному Церкви пастырскому служенію вашему, одушевленному ревностію къ духовному просвѣщенію и ко благоустроенію епархіи, Мы Всемиловѣйше сопричислили васъ къ Императорскому ордену Нашему Святыя Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

4.

Преосвященному *Варлааму*, епископу оренбургскому и уральскому.

Со вступленія на занимаемую вами каѳедру въ одномъ изъ отдаленныхъ предѣловъ отечества, вы явили — заботливость о благоустроеніи православной паствы, столь недавно учрежденной, нынѣ вамъ ввѣренной епархіи, — и ревность къ распространенію единого свѣта истины въ средѣ населенія, къ прискорбію Нашему, отъ него отпавшаго и частію никогда еще имъ не просвѣщеннаго. Во вниманіе къ симъ заслугамъ, Мы Всемиловѣйше сопричислили васъ къ Императорскому ордену Нашему Святыя Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровожд-

даемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

5.

Викарію херсонской епархіи, преосвященному *Софоніи*, епископу новомиргородскому.

По засвидѣтельствванію архіепископа херсонскаго о вашихъ трудахъ въ содѣйствіи ему, — и во вниманіе къ ревностному исполненію, для блага Святой Церкви, неоднократно возлагавшихся на васъ порученій, — Мы Всемиловѣйше сопричислили васъ къ Императорскому ордену Нашему Святыя Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

С.-Петербургъ.

4 апрѣля, 1865 года.

Всемиловѣйше сопричислены, въ 4-й день апрѣля 1865 года, къ ордену Св. Владиміра 3-й степени, преосвященные епископы: имеретинскій — *Гавріиль*, можайскій — *Савва*, новоархангельскій — *Петръ* и якутскій — *Павель*.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Святѣйшему Синоду въ 4 день апрѣля, изъяснено: «архіепископу камчатскому *Иннокентію* Всемиловѣйше повелѣваемъ быть членомъ Святѣйшаго Синода.»

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Святѣйшему

Синоду въ 4 день апрѣля, изъяснено: «протоіерею при малой церквѣ зимняго дворца *Рождественскому* Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ».

— Государственный совѣтъ по вопросу — могутъ ли монашествующіе, кромѣ властей, быть свидѣтелями при завѣщаніяхъ, согласно съ заключеніемъ Сената, принятымъ главноуправлявшимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, *мнѣніемъ* положилъ: статью 1054 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак. 1857 г. тома X ч. 1) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: монашествующіе низшихъ степеней, хотя и не могутъ по закону (ст. 267 т. IX закон. о состоян.) сами дѣлать завѣщаній, но этимъ не устраниются отъ свидѣтельства таковыхъ, составляемыхъ другимъ лицами. Его Императорское Величество мнѣніе Государственнаго совѣта, 21 февраля 1865 года, Высочайше утвердить соизволил и повелѣлъ исполнить.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Города Херсона, единовѣрческой Рождество-Богородичной ц., священникъ *Николай Силинъ* переведенъ одесскаго уѣзда, въ сел. Анатолиевку, къ Богородичной ц.

— Херсонскаго архіерейскаго дома монахъ *Владиміръ* рукоположенъ во іеродіакона.

— Царицынскій купеческій сынъ *Димитрій Петровъ* опредѣленъ въ число послушниковъ одесскаго Успенскаго монастыря.

— Бериславскій 2-й гильдіи купецъ *Іосифъ Сулима* избранъ и утверждень церковнымъ старостою на первое трехлѣтіе, при бериславской Воскресенской ц.

— Бериславскій мѣщанинъ *Инатій Даниленко*, избранъ и утверждень церковнымъ старостою на второе трехлѣтіе, при бериславской кладбищной Всѣхъ Святыхъ ц.

— Бобринецкаго уѣзда, селенія Ивановки, Царе-Константиновской ц., священникъ *Михаилъ Левицкій*, за смертію, исключень изъ списковъ.

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 5 день февраля 1865 г., архангельскій статистическій комитетъ, по случаю совершившагося, 4 апрѣля сего года, столѣтія со дня кончины знаменитаго холмогорскаго уроженца *Михаила Васильевича Ломоносова*, открываетъ подписку на устройство въ Куростровскомъ селеніи холмогорскаго уѣзда, мѣстѣ родины Ломоносова, памятника и на учрежденіе при архангельской гимназій Ломоносовской стипендіи для образованія одного изъ крестьянъ архангельской губерніи.

Епархіальное православное духовенство, учащіе и учащіеся въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ херсонской епархіи приглашаются къ посильнымъ приношеніямъ на осуществленіе этого предпріятія.

О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

ПРАЗДНЫ МѢСТА :

Священническія: Въ г. Херсонѣ, при единовѣрческой

Богородичной ц.; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Ивановкѣ, при Константиновской ц.; херсонскаго уѣзда, въ селеніи Большой Александровкѣ, при Николаевской ц.; александрійскаго уѣзда, въ селеніи Золотаревкѣ, при единовѣрческой Ильинской ц.; въ селеніи Зыбкомъ, при единовѣрческой Покровской ц.

Дьячковскія: въ г. Одессѣ, при Александринской, что при институтѣ, ц.; въ г. Херсонѣ, при Николаевской, что при тюремномъ замкѣ, ц.; александрійскаго уѣзда, въ сел. Михайловкѣ, при Николаевской ц.

Пономарскія: въ г. Бобринцѣ, при Николаевскомъ соборѣ; въ г. Одессѣ, при Воскресенской кладбищной ц.; предмѣстья г. Одессы Куяльника, при Вознесенской ц.; въ г. Елисаветградѣ, при Владимірской Богоматери ц.; херсонскаго уѣзда, въ селеніи Николаевкѣ, при Михайловской ц.; въ с. Касперо-Николаевкѣ, при Николаевской ц.; въ селен. Гурьевкѣ, при Покровской ц.; бобринецкаго уѣзда, въ сел. Петроостровѣ, при Преображенской ц.; въ м. Ольгополѣ, при Троицкой ц.; въ сел. Николаевкѣ, при Благовѣщенской ц.; александрійскаго уѣзда, въ с. Дониной Камянкѣ, при Михайловской ц.; въ сел. Васильевкѣ, при Васильевской ц.; тираспольскаго уѣзда, въ с. Комаркѣ, при Марговской ц.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ДУХОВНОЙ БЕСѢДЫ.

Подписка на «Духовную Бесѣду» за текущій годъ принимается и теперь; новые подписчики получаютъ сполна всѣ вышедшіе нумера. Въ редакціи находится достаточное

количество экземпляровъ этого журнала за 1862, 1863 и 1864 годы (последній съ пятью приложениями). Желающіе получить ихъ благоволятъ обращаться прямо въ редакцію «Духовной Бесѣды»; требованія ихъ будутъ удовлетворены немедленно. Цѣна экземпляру каждаго года остается прежняя — 4 р. съ пересылкою и 3 р. 50 к. безъ пересылки. Желающіе имѣть «Духовную Бесѣду» за три указанные года вмѣстѣ получаютъ ихъ за 10 рублей (съ пересылкою).

Въ редакціи «Духовной Бесѣды» продаются слѣдующія книги: 1) Письма къ отступнику православія, цѣна 1 р. 2) О праздникахъ православной церкви, 50 к. 3) Католическія бесѣды, три выпуска, 2 р. 4) Краткое описаніе св. земли, 25 коп. 5) О православіи россійской церкви; ц. 25 к. Авторъ названныхъ пяти сочиненій—редакторъ «Духовной Бесѣды», протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ. Обращающіеся за ними прямо въ редакцію за пересылку ничего не платятъ. Сверхъ того, въ той же редакціи можно получить слѣдующія книги: 1) Слова и привѣтствія высокопр. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, 50 к. 2) Объясненіе богослуженія православной церкви, соч. свящ. В. Владиславлева, два тома, 1 р. 50 коп. 3) Объясненіе литургіи преждеосвященныхъ даровъ, его-же, 1 р. 4) О Тихвинской иконѣ Божіей Матери, 40 к. 5) Историко-статистическое описаніе минской епархіи, соч. архимандрита Николая, 1 р.—Подписчики «Духовной Бесѣды» за пересылку названныхъ книгъ также ничего не платятъ.

СЛОВО,

сказанное въ день Преполовенія въ херсонскомъ соборѣ, преосвященнымъ Софоіею, епископомъ новомиргородскимъ, предъ молебствіемъ и присягою на выборъ губернскихъ чиновъ по земскимъ учрежденіямъ, 28 апрѣля 1865 года.

Явленіе ваше, возлюбленная о Христѣ братія, въ этомъ святилищѣ молитвы, — явленіе въ необычномъ количествѣ нарочитыхъ мужей, нарочито избранныхъ изъ всѣхъ сословій губерніи, заставляетъ предполагать, что оно, крѣмъ обычнаго молитвословія, подобающаго настоящему дню и мѣсту, имѣетъ цѣлію нѣчто необычное. Дѣйствительно. Вамъ предлежитъ дѣло сколько доброе и святое, столько же и важное по своимъ послѣдствіямъ.

И вотъ вы, какъ сыны свѣта и благодати, первѣе всего прибѣгаете ко храму святому, чтобы здѣсь, предъ лицемъ Отца свѣтовъ, самое начало дѣла благаго освятить молитвою, и молитвою же испросить на себя и на него благословеніе отъ самого Престола благодати.

Затѣмъ, вы имѣете, здѣсь же, изрѣчь глгтвенное обѣщаніе, призывая во свидѣтели Бога, Творца вселенной,

что въ подлежащемъ вамъ дѣлѣ вы хотите и должны поступать не по влеченію страстей, присущихъ сердцу неотрожденному, не по духу міра лукаваго, дѣйствующему въ сынахъ вѣка сего, и не по корыстнымъ видамъ благъ временныхъ и тѣнныхъ; но по духу Евангелія Христова, — по духу этой святой книги вѣчнаго завѣта, или же лучше по духу самого Христа, *который, вселяясь въ-прою въ сердца* наша (Еф. 3, 17), живетъ и дѣйствуетъ во всѣхъ *присныхъ Богу и святыахъ*.

Очевидно, что такая цѣль вашего пришествія подъ кровь сего дому Божія не только сугуба, но и сугубо свята и назидательна. И если когда, то конечно въ часъ сей, не умедлитъ Святой Израилевъ пріосѣнить васъ отъ высоты небесной и миромъ и благословіемъ, если только сами вы взыщете сего дара небеснаго съ тѣмъ же чувствомъ вѣры, которое и сердца и стопы ваши подвигло и направило къ подножію сихъ св. алтарей.

Благословіе, ниспосылаемое земнороднымъ свыше, есть плодъ крестныхъ заслугъ Единороднаго Сына Божія. И какъ, кромѣ имени Иисуса Христа, нѣтъ *иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12): такъ это же имя Христа Спасителя есть единственное, о коемъ благословлялись и благословляются всѣ языки и племена земныя (Гал. 3, 14). И такъ, чѣмъ непоколебимѣе, искреннѣе и живѣе будетъ въ васъ вѣра въ заслуги Искупителя: тѣмъ любвеобильнѣе благій Отецъ поможетъ вамъ въ начинаемомъ дѣлѣ; тѣмъ неукоснительнѣе *излетѣ* Онъ на васъ *отъ Духа своего* (Іоан. 2 28), чтобы озарить въ васъ умы къ созерцанію истины, укрѣпить вашу волю въ стремленіи къ доброму и святому, и водворить въ сердцахъ

вашихъ миръ Христовъ и взаимную любовь, столь необходимая въ устроении общественнаго блага.

Да, братія моя! Живая *вѣра* есть пріемный органъ *благословенія* Божія (Гал. 3, 14), особенно когда она сопровождается смиреніемъ и преданностію въ волю Господню. Глубокое смиреніе, — эта евангельская, блаженная нищета духа, собственно говоря, составляетъ прямое условіе на полученіе *царствія небеснаго* (Мѣ. 5, 3); но посему же самому оно есть неотъемлемое условіе и всякаго евангельскаго дѣла, коимъ пріобрѣтается царствіе; при немъ и самая вѣра въ насъ возвышается и становится дѣйствительнѣе и спасительнѣе. Святое смиреніе есть какъ-бы нѣкая сила, незримо привлекающая на землю благоволеніе неба и благодать Всесвятаго.

Миръ природы и царство благодати составляютъ одно царство Божіе, а между тѣмъ они во многомъ различны и противоположны. Тамъ, въ царствѣ природы, и громы небесные и дожди плодотворные привлекаются высотами и пиками горъ и утесовъ, а здѣсь, какъ бы на оборотъ. Здѣсь благодать Божія и благословеніе нисходятъ, какъ будто, на одни лишь глубины и удолія земныя. Здѣсь, въ царствѣ Христовомъ, не блестящія познанія и богатство, не знатный родъ и званія земныя, не должности высочія и власть обширная, не видъ внѣшній, горделивый, и не красота надменная и величавая, а глубокое смиреніе и сокрушеніе сердца предъ непостижимымъ величествомъ Бога славы; — здѣсь, св. благоговѣніе и кроткая, сыновняя благопокорливость предъ глаголами Вѣчнаго, — вотъ что низводитъ отъ небесе святаго милость и благословеніе Божіе и низводитъ въ обилии *росы аермонской, сходящей на горы Сіон-*

скія (Псал. 132, 3). *На кого воззрю*, говоритъ Господь у Пророка, и кагъ-бы Самъ же отвѣтствуетъ: *только на смиреннаго, на кроткаго и на трепещущаго словесъ Моихъ*. И опытъ всѣхъ вѣбовъ свидѣтельствуесть, что дѣйствительно *очи Господни* и взоръ благоволенія небеснаго приникають *только на болящихся Господа* (Пс. 32, 53).

О, да приникнетъ любвеобильный взоръ Отца небеснаго и на васъ, возлюбленн. братія, по мѣрѣ того, кагъ очи и вашего сердца будутъ устремлены къ Нему молитвенно, въ духѣ вѣры и смиренія. Живый и смиренномудрый духъ вѣры въ заслуги Искупителя, сердечнаго умиленія и преданности въ волю Божию пусть воспламенитъ въ васъ и исправитъ молитву вашу, яко кадило предъ Господемъ, и благословеніе пренебесное почіесть на васъ и на главахъ вашихъ; почіесть на вашихъ входахъ и исходахъ, на вашихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ.

Но призвавъ благословеніе Господа силъ, вы имѣете затѣмъ изрѣчь во всеуслышаніе клятвенное обѣщаніе. Что сказать объ этомъ обѣтѣ клятвы, совершаемомъ при такомъ торжественно знаменательномъ обрядѣ? По духу Евангелія, для христіанина, и не клятвенное обѣщаніе, не присяга, чинимая всенародно и предъ Евангелиемъ, а простое слово *да* или *нѣтъ* вполне обязательно и непреложно. Нравственно-обязательная сила нашихъ словъ, а тѣмъ паче, нашихъ клятвъ и обѣтовъ, первѣе всего должна исходить и исходить изъ качества самихъ дѣйствій, подлежащихъ подтвержденію и отрицанію, обѣщаніямъ и клятвамъ. Дѣло доброе и святое, дѣло сообразное съ законами вѣчной правды, дѣло, направленное во славу Божию и во благо ближняго, и безъ клятвъ, вполне обязательно для каждого

изъ насъ, лишь-бы оно было доступно. Но дѣло порочное и безнравственное, при всѣхъ обязательствахъ и клятвахъ, на столько же остается не обязательнымъ, на сколько и самыя клятвы безразсудны и богопротивны.

Ваше немалотрудное дѣло, заботливо указанное вамъ мудрою волею нашего Отца-Монарха, конечно, уже разсмотрѣно вами предварительно, взвѣшено, измѣрено и найдено, съ одной стороны, благотворнымъ въ ходѣ дѣлъ общественно-административныхъ, а съ другой, — законнымъ и святымъ. Итакъ, мы уповаемъ, что нравственная сила, обязывающая васъ къ труду добросовѣстному, честному и благородному, извлечена уже вами изъ самой сущности дѣла, изъ сознанія его благотворности и святости. Уповаемъ также, что это сознаніе такъ въ васъ глубоко и обязательно, что каждый изъ васъ, добліе мужи, конечно произнесъ уже въ сердцѣ своемъ св. обѣтъ—поступать въ предстоящихъ выборахъ, какъ надлежитъ истинному христіанину и благородному сыну отечества. Уповаемъ, наконецъ, что этотъ внутренній обѣтъ до того созрѣлъ въ вашей совѣсти и волѣ, что вамъ не остается, какъ только высказать его во услышаніе всѣхъ. И вы не боитесь это сдѣлать, даже, необинуясь, рѣшаетесь заявить его, какъ-бы предъ лицомъ Самого Бога всемогущаго и правосуднаго, ни сколько не опасаясь и не рискуя, въ случаѣ нарушенія даемаго вами обѣта, подпасть Его суду и страшной небесной карѣ за святотатственную измѣну.

Вотъ чѣмъ, собственно, должна быть въ устахъ вашихъ та присяга, къ которой вы готовитесь! Она должна быть въ васъ открытою исповѣдію, свободнымъ изнесеніемъ изъ сердца и заявленіемъ въ слухъ Церкви—тѣхъ святыхъ

чувствъ и рѣшимости, которыя, съ избыткомъ наполняя вашу душу, изливаются изъ нея какъ-бы сами собой. Она должна быть внѣшнимъ дополненіемъ чрезъ слово устное, — дополненіемъ той присяги внутренней, которая во глубинѣ сердца вашего уже изрѣчена предъ очами и слухомъ Сердцевѣдца. Скажу болѣе: она должна быть для васъ чѣмъ то въ родѣ особеннаго завѣта между вами и Богомъ, — завѣта частнаго и кратковременнаго, но тѣмъ не менѣе святаго и досточтимаго, — завѣта, съ одной стороны, налагающаго на васъ новое обязательство и новую отвѣтственность, а съ другой, — дающаго вамъ и новыя силы къ точнѣйшему выполненію обѣщаннаго. Кто не испыталъ, что клятвенное призваніе страшнаго имени Бога духовъ и всякой плоти, само-собой и какъ-бы неволью, возбуждаетъ въ душѣ вѣрующей молитвенное движеніе, направленное къ умилостивленію Владыки живота и смерти и къ испрошенію отъ него особой помощи въ огражденіе отъ клятвопреступленія? И кто бы усумнился, что благій Отець, при столь напряженномъ устремленіи къ Нему ума и сердца, не уоснитъ предварить Своею любовію взывающихъ къ Нему о помощи, и подгрѣпитъ ихъ благодатною силою свыше въ дѣлѣ богоугодномъ? Клятва, законно данная и свято хранимая, есть славословіе Богу, безмолвная проповѣдь о Его совершенствахъ, между тѣмъ какъ нарушеніе этой священной клятвы есть презорственное посягательство на умаленіе присносущной силы и славы въ Богѣ, на отричаніе въ Немъ святыхъ совершенствъ, и какъ-бы на поруганіе самого имени Божія. Дивно ли послѣ сего, что не только судъ Божій страшно претитъ *кленущимся во лжу* и угрожаетъ имъ *отмщеніемъ до смерти* (Зах 5, 3),

но и судъ человѣческій немилосердо преслѣдуетъ и ка-
раетъ безчестныхъ клятвопреступниковъ? Сего требуетъ
святость законовъ; сего требуетъ огражденіе общественной
безопасности, благоденствія и тишины.

Вознесемъ же, братія, молитвы и моленія къ премуд-
рому Промыслителю міра и судьбъ человѣческихъ, да бла-
гословитъ Онъ — Благій васъ и ваши благія начинанія,
и да увѣнчаетъ ихъ исходомъ вождѣленнымъ. Да сподо-
битъ васъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, и какъ-бы
едиными устами и единымъ сердцемъ, изрѣчь, а потомъ и
исполнить слово клятвенное, — исполнить не по внѣшней
только буквѣ и формѣ, но и по внутреннему духу его, и
по всему благому и премудрому намѣренію Благочестивѣй-
шаго Государя нашего, Августѣйшаго Отца народа Рус-
скаго. Аминь.

ОРИГЕНЪ АДАМАНТОВЫЙ.

(Патрологическій очеркъ, — изъ классическихъ чтеній по Патрологіи) *).

«Какъ въ храмъ Соломоновои были ступени, коими прямо достигали къ Святому святыхъ; такъ въ Единородномъ отъ Отца или Слово Ею соизъяны есь ступени нашего возвышенія къ горнему и указанъ истинный путь, вводящій въ небеса. Человѣчество Ею образуетъ начало пути и составляетъ какъ-бы первую ступень нашего возвышенія къ Святому святыхъ; Божество или божественныя свойства Ею образуютъ конецъ пути и суть какъ-бы Святое святыхъ, котораго достигаемъ мы только чрезъ Ею человечество. Христосъ есть путь, коимъ мало помалу возвышаемъ мы къ горнему, пока не достигнемъ, наконецъ, до той высоты онаго, на которой вѣднїе и бытїе, или жизнь и знанїе образуютъ единство и гармонию».

Origenes : „Commentarius in Johannem“.

Первородный сынъ христіанскихъ супруговъ — Оригенъ родился въ 185 году по Р. Хр., въ шестой годъ царствованія императора Коммода. Природа щедро надѣлила его дарами духовными, а заботливые родители дали ему, еще юношѣ, прекрасное всестороннее воспитаніе. Отецъ его Леонидъ, столько извѣстный — какъ знаменитый риторъ и какъ мужъ высокаго образованія и строгаго христіанскаго

*) Для классическихъ чтеній объ Оригенѣ преподающій Патрологію имѣлъ подъ руками слѣдующія пособія: 1) «La Patrologie ou Histoire

благочестія, воспитывалъ его въ тѣхъ началахъ и правилахъ, которыя — какъ нельзя больше соотвѣтствовали будущему развитію и особенностямъ духовной природы сына. Убѣжденія вѣры и результаты науки объ-руку шли у него въ дѣлѣ воспитанія Оригена, и онъ хотѣлъ, чтобы свѣтъ вѣры и науки, объединяясь мало по-малу въ душѣ сына, стали, наконецъ, однимъ общимъ просвѣтительнымъ и животворнымъ началомъ ума и сердца его. Поэтому, заботливо упражняя сына въ наукѣ греческой — въ математикѣ, грамматикѣ, логикѣ, реторикѣ и проч., онъ еще заботливѣе упражнялъ его въ наукѣ христіанской, — и не проходило дня, чтобы мальчикъ — Оригенъ не прочитывалъ по нѣскольку мѣстъ или отдѣловъ священнаго Писанія и не заучивалъ ихъ наизусть. Это сильно дѣйствовало на направленіе пробуждавшагося духа Оригенова. Размышленія о болѣе глубокихъ и назидательныхъ мѣстахъ Писанія стали, наконецъ, любимымъ занятіемъ Оригена, — и часто, не довольствуясь простымъ смысломъ Писанія, онъ задавалъ себѣ и занимался такими вопросами, которые далеко были еще не по лѣтамъ его и приводили въ замѣшательство отца. Часто отецъ дѣлалъ ему замѣчанія на счетъ неумѣстной и равновременной его пытливости; онъ даже бранилъ Оригена и

---

littéraire des trois premiers siècles de l'Eglise chrétienne» Мелера. Paris. 1843. 2) «Die Kirche Christi und ihre Zeugen oder die Kirchengeschichte in Biographien», Берингера. Zurich. 1842. 3) «Origenis contra Celsum», editio Heschelii. 1677. Cantabrigiæ. 4) *Οριγένους τῶν εἰς τὰς Θεῖας Γραφὰς ἐξηγητικῶν ἅπαντα τὰ ἑλληνιστὶ εὑρισκόμενα*, græce et latine. Pars prior et posterior. Rothomagi. 1668. и 5) «Origenis opera», editio nova. T. I—VII. Parisiis. 1842. D. A. B. Cailau.

прямо внушалъ ему довольствоваться простымъ смысломъ Писанія. Но сдерживая и предъотвращая видимымъ образомъ порывы пытливаго ума Оригена, Леонидъ радовался въ душѣ своей и не зналъ, чѣмъ и какъ возблагодарить Господа за то, что Онъ даровалъ ему столь даровитаго сына. Евсевій и Иеронимъ рассказываютъ, что Леонидъ часто подходилъ къ спящему дитяти — Оригену, открывалъ грудь его и съ благоговѣніемъ лобызалъ оную — какъ храмъ и жилище Духа Божія.

Такимъ образомъ воспитаніе въ домѣ отца и подъ руководствомъ его, само по себѣ, было уже сѣменемъ будущаго величія Оригена, и въ мальчигѣ — Оригенѣ открывало уже будущаго мужа ума и силы духа. Въ свѣтскихъ наукахъ онъ оказалъ уже счастливые успѣхи; чувство христіанскаго благочестія составляло уже жизнь и душу его: и глубокой умъ его начиналъ уже блистать тѣмъ яркимъ свѣтомъ, которымъ блещетъ только сильная молнія.

Воспитаніе Оригена далеко еще не заканчивалось въ домѣ и подъ руководствомъ отца. Жадный къ знаніямъ, онъ, съ согласія отца, вскорѣ же вступилъ въ число учениковъ знаменитаго Климента и, не смотря на раннюю еще юность свою, вполне усвоялъ себѣ чтенія и мысли глубокаго мыслителя.

Бъ сожалѣнію мы ничего почти не знаемъ о внѣшнихъ отношеніяхъ между знаменитымъ учителемъ и знаменитѣйшимъ ученикомъ александрійскаго училища. Но что Климентъ имѣлъ сильное вліяніе на Оригена, — это видно изъ сочиненій того и другого, также какъ и изъ того, что Оригенъ весьма часто называетъ Климента отцомъ, возродившимъ его въ жизнь духовную.

Оригену было теперь семнадцать лѣтъ. Теперь же, въ 202 году, Септимій Северъ воздвигъ противъ христіанъ гоненіе, по обыкновенному счисленію — пятое въ ряду гоненій противъ нихъ. Ужасы гоненія были такъ велики, что многіе изъ христіанъ скорѣе желали разстаться съ жизнію, чѣмъ подвергнуться жестокостямъ гонителя. Бѣда обрушилась, по преимуществу, на христіанъ египетскихъ, между которыми множество замучено было страшными пытками и истязаніями... Семнадцатилѣтній Оригенъ сильно ревновалъ страдать и умереть за Христа: онъ вдался во все роды опасностей, онъ готовъ былъ даже прямо отдать себя въ руки гонителей, — и если уцѣлѣлъ отъ нихъ, то только потому, что былъ удержанъ отъ своей ревности неотступными просьбами матери... Скоро, однако-жъ, открылось для него болѣе сильное побужденіе умереть мученикомъ: Леонидъ взятъ былъ гонителями и заключенъ въ темницу, — и Оригенъ рѣшился, во что-бы то ни стало, раздѣлить участь отца. Любящая мать видѣла, что все убѣжденія и просьбы ея останутся напрасными и, въ свою очередь, рѣшилась на послѣднее средство. Она зазвала сына въ свою опочивальню и, лишивъ его обуви и одежды, снова удержала его отъ неумѣренной ревности. Покорный матери — Оригенъ опасался теперь, — какъ-бы страдалецъ-отецъ не поколебался въ вѣрѣ изъ любви къ несчастному семейству. Желая поддержать Леонида въ его страданіяхъ, Оригенъ писалъ теперь утѣшительное письмо къ нему, въ которомъ и говорилъ между прочимъ: «Благо тебѣ, отецъ мой, что ради насъ ты не измѣняешь своихъ намѣреній».

Такимъ образомъ Оригенъ, не знавшій, повидимому, ничего, кромѣ школьныхъ занятій своихъ, успѣлъ уже на столько

возрасти въ вѣрѣ и благочестіи, что при первомъ же испытаніи оказывается совершеннымъ мужемъ дѣла, — мужемъ, для котораго школа служила только мѣстомъ лучшаго и серіознѣйшаго приготовленія въ жизни. Сказанное письмо его къ отцу — какъ нельзя яснѣе говорить объ этомъ и, не смотря на то, что сохранилось до насъ только въ немногихъ словахъ, какъ нельзя вѣрнѣе характеризуетъ исторію духа и развитія юноши — Оригена. Въ письмѣ дышетъ самое серіозное и высокое чувство истиннаго ревнителя вѣры, и на первый разъ даже не вѣрится, чтобы семнадцатилѣтній юноша могъ написать его.

Леонидъ умеръ смертію мученика; имѣніе его было конфисковано, и для несчастнаго семейства его не оставалось ничего, кромѣ наслѣдства его добродѣтелей, кромѣ памяти праведной кончины его, кромѣ надежды на Бога. Одна благородная и богатая госпожа въ Александріи сжалась надъ безпомощными сиротами, — приняла ихъ въ домъ къ себѣ и обезпечила жилищемъ и столомъ. Но въ домѣ этой госпожи находился какой-то антиохійскій гностикъ, Павелъ, — человѣкъ, какъ рассказываютъ, высокаго краснорѣчія и рѣдкой красоты.. Гностикъ этотъ былъ, какъ говорятъ иные, усыновленъ госпожою, почему и пользовался серіознымъ вліяніемъ на всѣхъ тѣхъ, кои проживали въ ея домѣ. Особенно сильно вліялъ онъ здѣсь своими идеями, которыя развивалъ — то въ частныхъ бесѣдахъ съ другими, то, наконецъ, въ урочныхъ чтеніяхъ по разнымъ наукамъ, на которыя (чтенія) и собирались къ нему не только приверженцы гностицизма, но даже и православные, увлекавшіеся литературными новостями. Молодой Оригенъ не охотно встрѣчался съ этимъ учителемъ; не охотно

разговаривалъ съ нимъ и, не смотря на косые взгляды благотворительницы, чуждался общенія съ нимъ въ молитвахъ. Таковъ характеръ религиозныхъ воззрѣній и убѣжденій Оригена въ это время. Онъ видимо тяготился оставаться и оставлять долѣе родныхъ своихъ въ домѣ благотворительницы и всѣми силами старался освободить себя съ родными изъ-подъ тяжелой опеки ея. Онъ усилилъ свои частныя занятія въ наукахъ, давалъ уроки грамматики, реторики и проч., и зарабатывалъ столько, что могъ, наконецъ, избавить и дѣйствительно избавилъ себя съ родными отъ помѣщенія и содержанія въ частномъ домѣ призрачна бѣдныхъ.

Между тѣмъ гоненіе Севера достигло уже Александріи и, заставивъ удалиться отсюда знаменитаго Климента, лишило христіанское училище Александріи и учениковъ его самой лучшей силы и самой надежной опоры ихъ. Высокій талантъ и обширныя знанія Оригена уже извѣстны были училищной корпораціи. Глубоко тронутые потерей Климента, ученики училища и между ними многіе образованные язычники возложили теперь лучшія надежды свои на молодого и гениальнаго своего товарища и просили Оригена заступить для нихъ мѣсто Климента... Оригенъ не отказался, и первыми же чтеніями съ кафедръ училищной показалъ своимъ слушателямъ-товарищамъ, что ихъ надежды на него не были напрасными.. Число учениковъ Оригеновыхъ быстро возрастало. Ученые и любознательные язычники толпами спѣшили въ училище Александрійское послушать молодого христіанскаго ученаго и учителя. Оригенъ дѣлалъ свое дѣло съ честію для училища и славой для христіанства. Выслушавъ нѣсколько уроковъ его, язычники становились, большею

частію, христіанами, и въ обществѣ вѣрующихъ всегда оказывались людьми строгаго христіанскаго благочестія, нерѣдко — мучениками, исповѣдниками и епископами. Плутархъ — мученикъ, Гераклъ — епископъ александрійскій послѣ Димитрія, и Діонисій — епископъ александрійскій же послѣ Геракла, также какъ и другіе современные имъ ревнители вѣры и благочестія были учениками Оригена... Димитрій, тогдашній епископъ Александріи, въ свою очередь, не могъ не видѣть пользы, какою приносилъ учитель Оригенъ христіанству и Церкви, и, въ виду дѣйствительныхъ дарованій и заслугъ Оригеновыхъ, формальнымъ порядкомъ утвердилъ его, въ 203 г., въ должности главнаго учителя и директора александрійскаго училища, остававшейся не занятою со времени удаленія Климента.

Должность главнаго учителя и директора александрійскаго училища не была такою должностію, которая представлялась бы исключительно лицамъ, облеченнымъ священнымъ саномъ. Подобно Оригену, ее могъ занять и всякій другой — образованный и способный удовлетворять христіански-научнымъ интересамъ и стремленіямъ ученой Александріи и александрійскаго училища — мірянинъ.

Самое избраніе того или другаго лица въ эту должность — зависѣло не столько отъ епископа, сколько отъ корпораціи училищной и ученыхъ александрійцевъ. Епископъ только формально утверждалъ то или другое избраніе ихъ; онъ только благословлялъ и освящалъ это избраніе своимъ согласіемъ.

Должностныя занятія по преподаванію наукъ и управленію училищемъ, какъ знаемъ изъ жизни Пантена и Оригена, могли быть одновременно раздѣляемы между двумя,

тремя лицами и болѣе, хотя и шли обыкновенно подъ руководствомъ и дирекціей одного изъ нихъ — достойнѣйшаго. Одному лицу сполна предоставлялись онѣ только тогда, когда училищная корпорація признавала за нимъ вполне достаточныя силы и способности къ отправленію оныхъ.

Постояннаго, опредѣленнаго жалованья не было полагаемо для учителей и директора училища, и съ матеріальной стороны своей они обезпечивали себя, по преимуществу, личными своими дарованіями и дѣйствительными трудами для слушателей, которые и доставляли имъ все необходимое.

Вышнее преимущество учителей состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что они никѣмъ и ничѣмъ не были закрѣплены за училищемъ и во всякое время могли свободно оставлять оное по своему желанію. Кромѣ того, ординарный между ними всегда имѣлъ право и могъ, какъ знаемъ изъ жизни же Пантена и Оригена, по своему усмотрѣнію избрать для себя одного или двухъ помощниковъ.

Цѣль училища по прежнему же не ограничивалась только дѣломъ воспитанія и образованія христіанскаго юношества въ духѣ истинной, вѣры и науки: главнымъ образомъ имѣлось въ виду привлеченіе сюда и обращеніе въ христіанство молодыхъ ученыхъ язычниковъ, также какъ приготовленіе надежныхъ защитниковъ вѣры и толкователей Писанія.

Главный методъ или способъ преподаванія христіанства былъ, по преимуществу, катехизическій, то-есть, состоявшій въ прямыхъ и положительныхъ отвѣтахъ на вопросы, коими засыпали учителей слушатели, любознательные, но мало знакомые еще съ ученіемъ вѣры, христіанскіе юноши и

особенно — пытливые и образованные молодые язычники. Учителям нерѣдко приходилось, поэтому, въ самомъ началѣ или срединѣ чтеній измѣнять свои тѣмы и, кромѣ того, имъ необходимо было — постоянно и внимательно слѣдить за развитіемъ своихъ слушателей, за тѣми идеями и вопросамъ, которые занимали ихъ внѣ аудиторіи и училища. Общество слушателей было, стало быть, таково, что ему могли удовлетворять только дѣйствительные таланты, только дѣйствительныя и серьезныя знанія и напряженное усердіе къ дѣлу воспитанія, развитія и утвержденія въ нихъ истины Христовой.

Словомъ: строй училища, жизнь, характеръ и цѣль условливались, прежде всего, нуждами и потребностями времени вообще и — ученой Александріи въ особенности.

Такимъ образомъ Оригенъ выступаетъ теперь — какъ ученый и учитель христіанства въ томъ городѣ, который давно былъ уже центромъ всемірной учености; является на главной каѳедрѣ того училища, въ которомъ такъ громко раздавался и всѣмъ былъ памятенъ голосъ Пантена и Климента; излагаетъ науку христіанскую такимъ слушателямъ, между которыми большую часть составляли уже мужи серьезнаго научнаго образованія и просвѣщенія: какое положеніе, какая задача для осьмнадцатилѣтняго юноши!

Оригенъ всею душою отдался своему новому положенію и первое, чѣмъ особенно дорожилъ онъ теперь, было — время и независимость или свобода матеріальнаго своего обезпеченія. Чтобы всецѣло посвятить себя училищу и имѣть больше времени для новыхъ занятій своихъ, онъ оставляетъ частные уроки свои и занятія и съ успѣхомъ ходатайствуетъ предъ благосклоннымъ епископомъ Александріи

Димитріємъ о призрѣніи и пропитаніи матери и семи малолѣтнихъ сестеръ своихъ въ благотворительномъ домѣ церкви александрійской. А чтобы не затруднять никого собственными матеріальными нуждами, онъ ведетъ жизнь строго-аскетическую и только въ видахъ крайнихъ дневныхъ потребностей своихъ продаетъ составленное и прекрасно написанное имъ собраніе классиковъ — съ тѣмъ, чтобы купившій оное выдавалъ ему каждодневно только по четыре *оболы* или по семнадцати копѣекъ сер.

Педагогическая дѣятельность Оригена въ училищѣ прежде всего представляется — какъ чисто-практическая метода или какъ совокупность правилъ воспитанія, непосредственно внушаемыхъ самою жизнью, практикой. Основное правило его педагогиі состояло въ томъ, что ученіе свое или свой образъ мыслей всегда предварялъ и сопровождалъ онъ своею жизнью, — что онъ не предлагалъ своимъ слушателямъ ничего такого, что не старался бы первый осуществить въ своей жизни и чему нагляднымъ и живымъ доказательствомъ для нихъ не служилъ бы собственный, личный примѣръ его. Это правило было, скажемъ, душой его педагогиі и его признавалъ онъ первымъ и существеннѣйшимъ долгомъ всякаго христіанскаго учителя. А жизнь его въ этотъ періодъ была, какъ извѣстно, строго-аскетическою и можемъ думать даже, что самый идеаль жизни былъ теперь у Оригена не иной, какъ идеаль бѣдности, нищенства, евангельскаго *убожества*. Въ его терпѣливомъ перенесеніи нуждъ чувствуется какое-то особенное ревнованіе къ этому *убожеству*, какая-то особенная, напряженная любовь къ нему. Благодарные слушатели и ученики Оригена не разъ, какъ извѣстно, предлагали ему кошельки

свои, полные золота и серебра; не разъ выражали готовность служить ему всѣми матеріальными своими средствами. Но, не смотря на всѣ нужды свои и на всѣ просьбы учениковъ и слушателей, Оригенъ никогда и ничего не принималъ отъ нихъ. «Господь», говоритъ онъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ, «не удѣлилъ никакого земнаго жребія слугамъ Своимъ, потому что Самъ хотѣлъ быть имъ жребіемъ. Фараонъ, Навуходоносоръ и другіе, раздавая помѣстья и владѣнія слугамъ Іеговы, хотѣли того, чтобы эти послѣдніе, заботясь о землѣ и благахъ земныхъ, забывали законъ Божій и не думали о душахъ своихъ. Христосъ Спаситель говоритъ напротивъ, что тотъ, кто не отвергнется всѣхъ чувственныхъ своихъ привязанностей, никогда не можетъ быть ученикомъ Его. Какъ же осмѣлимся мы, послѣ этого, учить другихъ ученію Христову, когда, вмѣсто того, чтобы самимъ намъ отвергнуться всего земнаго и сдѣлаться такимъ образомъ учениками Спасителя, станемъ привязываться къ землѣ и домогаться только того, чтобы наживать и увеличивать нажитыя стяжанія?.. Но если, не смотря на это, мы все-таки не свободны отъ укоровъ совѣсти и внутренно сознаемъ себя виновными и преступниками; то должны ли и осмѣлимся ли скрывать отъ другихъ то, что написано?! Нѣтъ, — я не рѣшился бы быть виновнымъ въ двухъ преступленіяхъ...; я сказала бы ученикамъ моимъ о томъ, чего требуетъ отъ насъ Евангеліе, и публично сознался бы въ томъ, что я не исполнилъ воли Божіей. Нѣтъ, — мы должны сознавать наши вины, но должны помнить и нашъ долгъ, и, по крайней мѣрѣ, теперь хотѣли бы по возможности, слѣдовать ему; желали бы, по мѣрѣ силъ нашихъ, подражать Петру, Павлу и Іоанну — ученикамъ

Господа, которые, не стяжавъ золота и серебра, владѣли сокровищами, съ коими не могутъ идти въ сравненіе никакія блага земли.

Въ такой неудовлетворимой и, скажемъ, ненасытимой суровости и строгости противъ нуждъ и потребностей внѣшнихъ движется теперь аскетическая жизнь Оригена. Строгій постъ и воздержаніе служили ему тѣмъ же, чѣмъ служить здоровый воздухъ для дыханія или свѣтъ для зрѣнія. Одежда его состояла въ единственной и самой незавидной эпанчѣ; обуви же не имѣлъ онъ по цѣлымъ годамъ и большею частію ходилъ босыми ногами. Никогда не пилъ онъ никакого вина, не ѣлъ никакого вкуснаго мяса. Холодъ и зной переносилъ онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ. День проводилъ онъ обыкновенно въ напряженныхъ ученыхъ и классическихъ занятіяхъ, большую часть ночи посвящалъ изученію священнаго Писанія, которое почти все и какъ нельзя лучше зналъ теперь наизусть. Сонъ его продолжался обыкновенно отъ одного до трехъ часовъ, и голая земля съ камнемъ у изголовья служила, большею частію, ложемъ ему. Все это и подобное было какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ его юности: самоотрицаніе и жертвы были идеаломъ его.

Такая жизнь не могла, конечно, оставаться безъ дѣйствій, безъ серіозныхъ вліяній на другихъ. Могучая по самой природѣ своей — она напитана была духомъ строгихъ нравственныхъ убѣжденій, почему и была тою непреодолимой силой, которая, подобно исполинскому магниту, привлекала къ себѣ и магнетизировала все, что только ни соприкасалось къ ней.

Въ правленіе намѣстника александрійскаго Аввилы осо-

бенно страшно, какъ извѣстно, свирѣпствовало гоненіе на христіанъ въ Александріи и ея окрестностяхъ. Многіе изъ учениковъ Оригена, не смотря на всѣ ужасы пытокъ и мученій, какимъ подвергали христіанъ гонители, съ радостію спѣшили свидѣтельствовать о вѣрѣ своей смертію мучениковъ. Плутархъ — первый ученикъ Оригеновъ, а вслѣдъ за нимъ и шесть другихъ учениковъ его — дѣйствительно скончались въ это время исповѣдниками.. Подобная неустрашимость и твердость вѣры въ ученикахъ какъ нельзя больше характеризуетъ учителя. Оригенъ не былъ только учителемъ учениковъ своихъ: онъ былъ лучшимъ другомъ имъ, заботливымъ отцомъ и надежнымъ руководителемъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни. Онъ отыскивалъ ихъ въ тюрьмахъ; являлся съ ними на допросы; укрѣплялъ — когда подписывались и объявлялись имъ смертные приговоры; сопровождалъ ихъ къ мѣстамъ казней, и, словомъ, подвергалъ себя изъ-за нихъ всѣмъ бѣдамъ и напастямъ, лишь бы до конца удержать ихъ въ вѣрѣ. Въ часъ мученической кончины Плутарха онъ ни на мгновеніе не оставлялъ исповѣдника и, не смотря на то, что язычники-родители послѣдняго съ яростію указывали на него, какъ на виновника смерти ихъ сына и едва не умертвили его, не пересталъ внушать Плутарху твердость и непоколебимость вѣры дотолѣ, пока Плутархъ не умеръ мученикомъ. Такая ревность къ вѣрѣ далеко, однако-жъ, не ограничивалась въ Оригенѣ только заботливостію о вѣрѣ учениковъ его: она равно обнимала и всѣхъ прочихъ вѣрующихъ, хотя бы эти послѣдніе и не были связаны съ нимъ никакими видимыми узами. Часто случалось, что Оригенъ, встрѣчая мучениковъ, нѣжно лобызалъ ихъ,

прижималъ къ груди и, не смотря на бѣшенство и ярость окружающихъ язычниковъ, громко и сильно увѣщавалъ стоять въ вѣрѣ до послѣдней минуты своей. Въ подобныхъ случаяхъ Оригена спасала, конечно, только рука Промысла, бдительно хранившая драгоценную жизнь его для блага вѣрующихъ.

Между тѣмъ число любознательныхъ слушателей Оригеновыхъ продолжало возрастать попрежнему, и лучшія дарованія и силы язычества болѣе и болѣе сосредоточивались въ стѣнахъ христіанской александрійской аудиторіи. Язычники видѣли, что своими чтеніями Оригенъ прямо подрывалъ теперь самыя основанія алтарей ихъ, ниспровергалъ боговъ ихъ, наносилъ смертные удары всему вѣроученію ихъ. Въ чувствѣ предсмертной агоніи они не разъ бросались на него съ оружіемъ; не разъ окружали жилище его стражею; не разъ требовали оставить Александрію и училище и доводили часто до того, что нигдѣ въ широкомъ городѣ не находилъ онъ безопаснаго отъ нихъ убѣжища. Елифаній прибавляетъ къ этому, что въ одинъ день язычники схватили, наконецъ, Оригена, надѣли на него одежду жреца Сераписова, привели въ этомъ видѣ къ ступенямъ храма его и, по обычаю своему, заставили раздавать пальмовыя вѣтви входившимъ въ оный. Оригенъ не противился..., но, держа вѣтви въ рукахъ своихъ, смѣло и громко говорилъ язычникамъ: «Подходите и принимайте; но не пальмы идоловъ вашихъ, а вѣтви Иисуса Христа».

Евсевій и Елифаній относятъ къ этому періоду юной ревности Оригена — между прочимъ — слѣдующій, дѣйствительный якобы поступокъ его съ самимъ собой. По словамъ ихъ, пылкій юноша — Оригенъ, между слушателями

котораго было, какъ говорятъ иные, не-мало образованныхъ и любознательныхъ женщинъ и дѣвицъ, сдѣлавъ надъ собою насиліе по буквальному смыслу словъ Спасителя о скопцахъ, *уже искажиша себе царствія ради небеснаго* (Матѳ. 19, 12). Не отвергая достовѣрности этого разсказа замѣтимъ только, что никто изъ современныхъ Оригену и ближайшихъ къ нему писателей не говоритъ намъ объ этомъ поступкѣ его съ собой, также-какъ не говорятъ о немъ и опредѣленія соборовъ, занимавшихся разборомъ заблужденій Оригена и оригенистовъ. Самъ Оригенъ, обвиняемый и осуждаемый въ послѣдствіи въ неправомыслии, говоритъ только, въ оправданіе себя, о различныхъ вставкахъ, поврежденіяхъ и искаженіяхъ, привнесенныхъ въ сочиненія его другими, и ни словомъ не намекаетъ на то, чтобы кто-нибудь обвинялъ или упрекалъ его когда-либо въ сказанномъ поступкѣ съ собой. Къ тому-жъ: Оригенъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, никогда не былъ расположенъ останавливаться на буквальномъ смыслѣ Писанія и, какъ знаемъ доселѣ, велъ столь строгую аскетическую жизнь, что, не смотря на дѣйствительные поводы, едва-ли могъ подвергаться серьезнымъ опасеніямъ со стороны движеній плоти и крови. А твердый характеръ и непреодолимая воля Оригена рѣшительно не мирятся съ поступками, подобными тому, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Справедливѣе думать, что сказанный поступокъ Оригена — только неудачный вымыслъ и клевета враговъ его, хотѣвшихъ мѣрять и дѣйствительно мѣрившихъ Оригена по своей мѣркѣ. Такова уже доля людей, не принадлежащихъ къ партіямъ, не склоняющихся предъ чужими страстями и не сдающихся на окружающія низости: ихъ втягиваютъ обыкновенно въ одежду,

свойственную только очевидной немощи и безсилію, духовному или нравственному уродству или безобразію...

Доселѣ жизнь Оригена-учителя движется, какъ уже сказано, въ направленіи строгаго аскетизма. Само собою разумѣется, что заурядъ съ этимъ нравственно-практическимъ направленіемъ продолжало идти и дальнѣйшее развитіе его научное. Но наука Оригенова или образованіе его литературное не были еще во внутренней связи съ его жизнью, также-какъ и жизнь его — съ его наукою или литературнымъ образованіемъ. Къ созерцаніямъ, къ теоріи Оригенъ идетъ обыкновеннымъ путемъ современнаго ему богословія и философіи — вѣрою: таковъ общій характеръ этого періода жизни и дѣятельности Оригена-учителя. Вынося трудности христіанскаго аскетизма, Оригенъ какъ-бы приноситъ Богу въ жертву начатки педагогическихъ трудовъ своихъ и ищетъ высшаго освященія духовнымъ силамъ своимъ и благословенія на болѣе достойное и плодovitое употребленіе ихъ: онъ какъ-бы жаждетъ проникнуться благодатною силой и вдохновиться Духомъ Христовымъ, безъ которыхъ признаетъ недоступнымъ вѣдѣніе, воплоти достойное христіанскаго учителя. Не говоримъ, чтобы въ слѣдующій періодъ жизни своей Оригенъ измѣнилъ своему направленію предыдущему: онъ былъ строгимъ аскетомъ во всю свою жизнь и строгость нравственныхъ убѣжденій своихъ никогда не стѣснялъ и не ограничивалъ въ пользу или въ интересахъ науки или знанія. Дѣло въ томъ только, что въ послѣдующій періодъ жизни Оригеновой аскетизмъ его теряетъ характеръ прежней своей исключительности или односторонности и, оставаясь по прежнему же аскетизмомъ жизни его становится, вмѣстѣ и аскетиз-

момъ мысли или науки его. Другими словами: отселѣ вѣра Оригена будетъ уже посредствоваться его знаніемъ и, оставаясь, по прежнему же, вѣрою сердца его, будетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, истиннымъ достояніемъ или вѣрой ума его. Оригенъ, будетъ жить отселѣ всею полнотою и гармоніей своего духа, всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ силъ и дарованій внутренняго существа своего.

Изложеніе или развитіе христіанства съ кафедръ училища александрійскаго шло доселѣ въ направленіи фило-софскомъ или строго-научномъ. Пантенъ положилъ начало этому направленію; Климентъ, ученикъ и преемникъ Панта, широко развилъ его. Оригенъ, самостоятельный вездѣ и во всемъ, оказывается не менѣе самостоятельнымъ и на кафедрѣ учительской. Въ первое время служенія его въ училищѣ педагогія его идетъ, какъ уже знаемъ, въ направленіи строго-практическомъ: Оригенъ излагаетъ и развиваетъ здѣсь науку христіанскую по требованіямъ строгой христіанской жизни или нравственности и оказывается въ своей педагогической дѣятельности не столько философомъ и даже ученымъ богословомъ, сколько глубокимъ моралистомъ или просто — мудрецомъ въ смыслѣ мудрецовъ древности. Созерцательный или теорическій умъ его былъ подчиненъ еще уму практическому и, погруженный въ собственную глубину свою, выжидалъ только времени и вызова... Время и вызовъ не замедлили...

Слава Оригена продолжала расти болѣе и болѣе, и слушатели толпами стремились къ нему со всѣхъ сторонъ. При той широтѣ мысли, какою пользовалось уже училище, Оригену не оставалось желать ничего болѣе. Но такъ какъ стѣны аудиторіи оказались теперь слишкомъ ограниченными

для всего множества слушателей, а систематическое вѣдѣніе чтеній или изложеніе науки съ одной кафедрѣ — слишкомъ неудобнымъ и затруднительнымъ, по причинѣ разности возрастовъ и понятій ихъ; то Оригенъ раздѣляетъ педагогическіе труды свои съ Геракломъ, прежнимъ ученикомъ своимъ, и, предоставляя ему чтеніе наукъ первоначальныхъ или приготовительныхъ, оставляетъ за собой изложеніе наукъ высшихъ. Ученые язычники, философы и еретики всѣ до одного оказались въ числѣ послушныхъ учениковъ его и всѣ жаждали только наставленій и уроковъ его въ христіанствѣ. «Тогда», говоритъ Оригенъ, «тогда я поставленъ былъ въ необходимость разбирать ученныя мнѣнія еретиковъ и разсматривать все то, что предлагали знать объ истинѣ философы». Въ виду этой необходимости онъ посѣщаетъ аудиторію знаменитаго въ то время ученаго александрійскаго — Аммонія Сакбоса и его чтеніями и бесѣдами провѣряетъ и пополняетъ свои философскія свѣдѣнія. Аммоній былъ почти сверстникъ Оригену по лѣтамъ, — и настоящія отношенія къ нему Оригена, какъ нельзя больше, говорятъ намъ о смиреніи послѣдняго, о вѣрности своему долгу и званію, о серіозности научныхъ стремленій его....

Уроки Аммонія и бесѣды его произвели, какъ кажется, серіозное вліяніе на богословское направленіе, литературное развитіе и даже на жизнь Оригена. Чтобы успѣшнѣе бороться съ философами и легче побѣждать ихъ на ихъ же собственной почвѣ; чтобы обезпечить себя оружіемъ, болѣе пригоднымъ въ борьбѣ съ ними за вѣру; чтобы открыть, наконецъ, въ мудрости языческой пригодныя для цѣли своей точки сближенія или соотношенія ея къ христіанству, —

Оригенъ ревностно занимается теперь изученіемъ языческой философіи и литературы вообще. Надъ сочиненіями Платона, Аристотеля и вообще надъ греческою философіей и системами мудрецовъ древнихъ онъ сидѣлъ теперь по днямъ и ночамъ, и, не въ примѣръ Пантену, Клименту и Гераклу, которые тоже много работали надъ сочиненіями и системами древнихъ мудрецовъ и философовъ, результаты философскихъ занятій его были, какъ и онъ самъ, гораздо живѣе, проникательнѣе и плодovitѣе. Подобно Клименту онъ эклектически относился къ сочиненіямъ и системамъ мудрецовъ и философовъ древности: онъ извлекалъ изъ нихъ только лучшее и, очищая это лучшее по требованіямъ христіанско-философствующей мысли своей, приводилъ его въ согласіе и гармонію съ ученіемъ вѣры и христіанства. Таковъ характеръ и задача философскихъ трудовъ Оригена: ученіе и преемникъ Климента — онъ стремится объединить вѣру съ знаніемъ или христіанство съ философіей. Особенно характерный, на этотъ разъ, отзывъ объ Оригенѣ встрѣчаемъ мы у Порфирія. «Оригена», говоритъ Порфирій, «я очень хорошо зналъ еще въ моей юности. Ученикъ Аммонія — онъ сдѣлалъ громадныя успѣхи въ философіи. Но онъ имѣлъ несчастіе принадлежать къ этой варварской и ненавистной сектѣ (христіанству). Думая объединить христіанство съ философіей, онъ разбилъ себя на этой тѣмѣ, какъ на подводномъ камнѣ, и потерялъ все то, что имѣлъ прекраснѣйшаго. Онъ постоянно занимался Платономъ; и днемъ и ночью читалъ сочиненія Лонгина, Нуменія, Кронія, Никомаха и другихъ. Но послѣ того, какъ изучилъ онъ мудрецовъ, онъ представлялъ и изъяснялъ мистеріи грековъ, примѣняясь къ Іудейскимъ писаніямъ».... Такимъ образомъ,

вышнее побужденіе къ философіи, ставшее сначала нравственнымъ требованіемъ Оригена, перешло наконецъ въ его внутреннее призваніе, — и Оригенъ дѣйствительно оказывается философомъ.

Говоря объ Оригенѣ, какъ философѣ, нѣкоторые признають, между прочимъ, за несомнѣнное, — будто Оригенъ, изъ-за привязанности къ философіи, мало обращалъ теперь вниманія на дальнѣйшее образованіе свое богословское. Не говоря уже о томъ, что философскія занятія и работы Оригена всегда направляемы были къ чисто-богословскимъ цѣлямъ и имѣли значеніе для него только по прямому отношенію ихъ къ богословію, мы имѣемъ болѣе положительныя и несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что вмѣстѣ съ своими занятіями философією Оригенъ усердно старался обогащать себя и положительными богословскими свѣдѣніями. Работы и изслѣдованія по части священной филологіи и древностей еврейскихъ, вызванныя, какъ извѣстно, множествомъ разностей, привнесенныхъ въ древній еврейскій текстъ писанія позднѣйшими Іудеями, начинаются, по свидѣтельствамъ послѣдняго рода, съ 26-лѣтняго возраста жизни его и, стало быть, идутъ обр-руку съ занятіями его по философіи. Въ видахъ болѣе вѣрнаго пониманія писанія и болѣе основательнаго разрѣшенія сказанныхъ разностей, Оригенъ признавалъ теперь особенно необходимымъ для себя знаніе языка еврейскаго, и, не смотря на всѣ трудности, съ какими обыкновенно дается греку изученіе онаго, отлично изучилъ его. Подобное изученіе еврейскаго языка, безъ сомнѣнія, требовало отъ Оригена тѣмъ большихъ трудовъ и усидчивости, что онъ не имѣлъ подъ руками никакихъ серіозныхъ опытовъ изученія онаго или

готовыхъ руководствъ къ нему. Предшествовавшіе и современные Оригену ученые христіанскіе не отличались, какъ извѣстно, знаніемъ языка еврейскаго. Ученые греческіе до-вольствовались, обыкновенно, александрійскимъ переводомъ 70-ти, который и признавали они богодухновеннымъ переводомъ; ученые латинскіе имѣли для себя свои собственные латинскіе переводы, — и по нерасположенію, если не сказать — по прямой ненависти и отвращенію къ Іудеямъ-врагамъ христіанства и возмутителямъ мира церковнаго, ни тѣ, ни другіе изъ нихъ не были расположены заниматься изученіемъ даже священнаго языка ихъ.

Взглянемъ теперь на путь, какимъ идетъ учитель-Оригенъ въ своихъ научныхъ изложеніяхъ христіанства. Св. Григорій Чудотворецъ, ученикъ Оригеновъ, весьма подробно говоритъ въ своемъ похвальномъ словѣ учителю о всемъ, что относится къ этому предмету. Отъ него узнаемъ, между прочимъ, что въ полный курсъ ученыхъ чтеній Оригеновыхъ входила вся широкая область наукъ чисто-философскаго характера и содержанія; что въ необходимости для слушателей образованія философскаго и вообще гуманнаго Оригенъ убѣжденъ былъ собственнымъ внутреннимъ опытомъ, и что, наконецъ, въ основаніи изложеній его всегда были полагаемы начала или идеи христіанскія, также-какъ и самыя изложенія всегда были проникнуты и запечатлѣны у него духомъ религіозности.

Но прежде-чѣмъ начиналъ Оригенъ изложеніе мыслей предъ слушателями, онъ, по словамъ того же св. Григорія Чудотворца, всегда упражнялъ ихъ вопросами, имѣвшими прямое отношеніе къ этому изложенію и, главное, къ возрѣніямъ своихъ слушателей; дабы заранѣе, узнавши, такимъ

образомъ, всѣ неправильности или превратности въ ихъ сужденіяхъ о данной тѣмѣ, удобнѣе и легче могъ исправлять оныя при самомъ уже изложеніи тѣмы. «Такими приѣмами», говоритъ св. Григорій Чудотворецъ, Оригенъ «приготовлялъ своихъ слушателей и дѣлалъ болѣе способными къ принятію слова истины», послѣ чего и «сѣялъ уже духовныя сѣмена свои въ нихъ, какъ въ прекрасно-разработанную и рыхлую почву, способную возвратить въ-ренныя ей сѣмена съ обильнымъ плодомъ».

Въ видахъ же болѣе удобнаго приготовленія своихъ слушателей къ принятію истинъ вѣры Христовой, также какъ и «для упражненія силы сужденій въ нихъ» вообще Оригенъ, по словамъ того же ученика его, читалъ имъ уроки логики и практически занимался съ ними діалектикой, — и велъ эти чтенія и занятія такъ, что «каждый изъ слушателей, кто-бы онъ ни былъ — грекъ или варваръ, образованный или простой, всегда извлекалъ изъ нихъ необходимыя для себя правила житейскаго благоразумія». Но чтобы занятія логикой и діалектикой, въ свою очередь, не были скучными и не утомляли вниманія слушателей — Оригенъ оживлялъ оныя свѣдѣніями изъ наукъ естественныхъ и предлагалъ эти послѣднія такъ, что все разнообразнѣйшее бытіе и жизнь міра слагались у него «въ одну цѣлостную и одушевленную картину мірозданія, наполнявшую души слушателей разумнымъ удивленіемъ къ совершенствамъ природы и Творца природы. Для послѣдней цѣли — въ области естествознанія Оригенъ останавливался, по преимуществу, на геометріи и астрономіи. «Геометрія его», по словамъ того же св. Григорія Чудотворца, «измѣряя землю и пространство, доводила, наконецъ, слушателя до

послѣднихъ границъ ихъ и увлекала мысль его къ безграничному. Астрономія же, созерцая то, что надъ землею и превыше земли, заставляла насъ забывать землю и переносила духъ на небеса».

Такимъ образомъ — въ систему предварительныхъ занятій Оригена съ воспитанниками входили всѣ тѣ науки, совмѣстное преподаваніе и изученіе коихъ извѣстно было у грековъ подъ однимъ общимъ названіемъ *образованія энциклопедическаго*... Само собою понятно, что послѣ столь серьезнаго приготовленія слушателей къ изложенію имъ положительнаго ученія христіанства, Оригенъ смѣло могъ приступить къ этому изложенію.

Вѣрный своему аскетическому направленію и твердо принятому, практическому методу воспитанія, Оригенъ открываетъ слушателямъ широкую область богословія христіанскаго изложеніемъ имъ богословія практическаго или нравственнаго. Первымъ предметомъ его заботливости было теперь, какъ и всегда, оживленіе самого развитія началъ или требованій христіанскаго нравоученія примѣромъ своей собственной жизни, и, по словамъ св. Григорія Чудотворца, онъ дѣйствительно «представлялъ въ себѣ своимъ слушателямъ золотой обликъ добродѣтели и благочестія», предва- рившихъ и сопровождавшихъ каждое слово его. Отсюда, при всей простотѣ и несложности нравоучительныхъ прие- мовъ или правилъ Оригена, выходило то, что истина Хри- стова глубоко западала въ души и сердца слушателей его и сама собою совершала, мало по-малу, внутреннее ихъ перерожденіе. Главное начало или идея нравоученія, въ свою очередь, какъ нельзя больше соотвѣтствовала сказан- нымъ приемамъ нравоучителя: начало и конецъ христіан-

скихъ добродѣтелей Оригенъ видѣлъ и раскрывалъ своимъ слушателямъ въ подвигахъ духовнаго самоиспытанія или самоуглубленія. Сократово — *γνώθι σεαυτόν* — было очищено, возвышено и вообще преобразовано въ душѣ Оригена по требованіямъ христіанско-нравственнаго его сознанія, и въ этомъ преобразованномъ видѣ было дѣйствительнымъ психологическимъ началомъ возрожденія его слушателей въ жизнь христіански-нравственную. Между тѣмъ Оригенъ не оставлялъ безъ вниманія и тѣхъ правилъ нравственности, которыя предлагаемы были въ системахъ другихъ древнихъ философовъ и произведеніяхъ поэтовъ, и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ пунктахъ ученій ихъ, гдѣ явнѣе развиваемы были идеи Божества и божественнаго Провидѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и учитель его Климентъ, былъ, очевидно, самымъ строгимъ эклектикомъ. Онъ говорилъ, что христіанскому ученику и учителю вовсе не слѣдовало бы заниматься языческими философами и поэтами, если бы у нихъ не было добраго. «Пристойное-ли дѣло», говорилъ онъ, «чтобы тѣ самые, кои стремятся въ храмъ Господень, прикасались къ нечистотамъ языческимъ? Нѣтъ: ученики и питомцы страха Божія не должны бы осквернять себя нечистыми книгами; не должны бы прикасаться къ нимъ своими руками».

Признавая, такимъ образомъ, все то, что было дѣйствительно лучшаго и серіознѣйшаго въ морали философовъ и поэтовъ языческихъ и, стало быть, отдавая должную цѣну всѣмъ лучшимъ убѣжденіямъ и чувствамъ своихъ слушателей — молодыхъ образованныхъ язычниковъ, Оригенъ, мало по-малу, вводилъ послѣднихъ въ святилище закона Христова свойственнымъ для нихъ путемъ философіи

и науки и предупреждалъ неизбѣжную иначе рѣзкость для нихъ прямого изложенія имъ положительныхъ началъ или требованій христіанской нравственности.

Между тѣмъ эклектизмъ этотъ былъ полезенъ для его слушателей и въ другомъ отношеніи. Какъ эклектизмъ серьезнаго критика, онъ незамѣтно освобождалъ ихъ отъ слѣпаго рабства тѣмъ или другимъ философскимъ и литературнымъ партіямъ; незамѣтно вызывалъ и развивалъ въ нихъ свободу мысли и совѣсти и вообще самостоятельный, безпристрастный, — *эклектическій* взглядъ на разныя идеи, воззрѣнія, убѣжденія, мнѣнія и проч.. Св. Григорій Чудотворецъ оставилъ намъ слѣдующій характерный, въ этомъ отношеніи, отзывъ объ Оригенѣ — преподавателѣ науки христіанской вообще. «Ученія и мнѣнія людскія», говоритъ онъ, «раскрашенныя искусными и ловкими софизмами, особенно неотразимо дѣйствуютъ на умъ и сердце неопытныхъ. Чтобы быть имъ принятыми за истину, имъ нужно только коснуться слуха, не привыкшаго еще къ разборчивости и осторожности: такъ легко принимаются они. Но чѣмъ легче принимаются они, тѣмъ труднѣе бываетъ освобождаться отъ нихъ. Часто бываетъ, что заблудившійся въ этомъ лабиринтѣ мнѣній, какъ въ глухомъ и дремучемъ лѣсу, усиливается отыскать въ немъ прямую дорогу, Но чѣмъ больше усиливается онъ, тѣмъ дальше и дальше уходитъ въ глушь и темноту лѣса; тѣмъ больше и больше запутывается и теряется въ своихъ безнадежныхъ поискахъ. Чтобы не случилось тоже самое и съ нами», продолжаетъ онъ, «Оригенъ не предоставлялъ насъ на произволъ тѣхъ или другихъ мнѣній или ученій философовъ и даже не давалъ намъ возможности надолго оставаться съ ними...

Но въ видахъ этого онъ не скрывалъ отъ насъ ни одного изъ нихъ и, проводя чрезъ все ихъ множество, старался заохочивать насъ къ благамъ ума и къ полной свободѣ въ изслѣдованіяхъ. Какъ опытный вожатый, онъ зналъ опасность для насъ этого пути; но онъ самъ всегда предшествовалъ намъ въ ономъ, всегда сопутствовалъ и всегда подавалъ руку тамъ, гдѣ мы могли бы, пожалуй, сбиться съ дороги и заблудиться въ темнотѣ, растеряться въ ложныхъ мечтахъ... Онъ выбиралъ и предлагалъ намъ все то, что было лучшаго и полезнѣйшаго въ каждомъ изъ философскихъ мнѣній или ученій; но онъ же указывалъ, въ свою очередь, и на то, что было въ нихъ ложнаго, превратнаго и вреднаго. Въ заключеніе онъ заботливо предохранялъ насъ отъ поспѣшныхъ и опасныхъ увлеченій философскими и литературными авторитетами и партіями и старался внушать, что только Богу и пророкамъ Его мы должны быть преданы всѣмъ умомъ своимъ и всѣми силами духа».

Таковъ путь, которымъ идетъ Оригенъ въ своихъ научныхъ изложеніяхъ христіанства. Конецъ или вершину этого пути составляетъ у него толкованіе священнаго Писанія, которое (толкованіе), какъ увидимъ въ послѣдствіи, и идетъ у него объ-руку съ развитіемъ христіанскаго *тосиса*.

Безъ особенныхъ соображеній видно, къ чему стремится Оригенъ въ своихъ научныхъ изложеніяхъ христіанства съ каеэдры. Прежде всего онъ старается заохотить своихъ слушателей къ основательнѣйшему изученію христіанства — какъ божественнаго Откровенія, или развить въ нихъ свободное стремленіе къ познанію истинъ его.

Затѣмъ, указывая имъ на лучи свѣта Христова, мерцающіе у тѣхъ или другихъ мудрецовъ и поэтовъ языческихъ, и представляя недостаточность этихъ лучей для жизни, вполне довлѣющей разуму и духу человѣческому, онъ стремится, очевидно, вызвать въ нихъ сознание невозможности — удовлетворить незаглушимыя ничѣмъ духовныя потребности человѣческой природы внѣ христіанства — какъ Откровенія божественнаго.

Но Оригену не доставало еще философски-догматическаго руководства для цѣли. Въ видахъ пополненія этого недостатка онъ выводитъ результаты своихъ изложеній христіанства слушателямъ, — соединяетъ оныя вмѣстѣ и, въ своемъ сочиненіи «*Περὶ ἀρχῶν*», то есть, «*О началахъ вѣры*» или объ основныхъ пунктахъ ученія христіанскаго, представляетъ руководительную нить для философски-богословскихъ изложеній своихъ.

Уже двѣнадцать лѣтъ трудовой и многоплодной дѣятельности посвящено было Оригеномъ истинѣ Христовой въ знаменитомъ александрійскомъ училищѣ. Слава его видимо приближалась къ своему зениту. Сочиненіе — «*Περὶ ἀρχῶν*» — особенно возвысило его въ глазахъ ученыхъ современниковъ, — и многіе изъ (царственныхъ особъ, даже отдаленнѣйшихъ государствъ, желали бесѣдовать съ Оригеномъ и слушать наставленія его въ христіанствѣ. Князь аравійскій особымъ посольствомъ просилъ епископа и префекта Александріи прислать къ нему учителя вѣры. Префектъ и епископъ отправили къ нему Оригена, — и Оригенъ съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе. Возвратившись въ Александрію, Оригенъ не наслаждался однако-жъ желаннымъ отдыхомъ: Александрія подверглась

тогда гнѣву императора Карабаллы, отъ котораго Оригенъ и поспѣшилъ, вмѣстѣ съ другими, уклониться, въ 215-мъ году, въ Палестинскую кесарію. Епископы палестинскіе приняли его съ великою честію и, не смотря на молодыя еще лѣта его, также какъ и на то, что онъ не принадлежалъ еще къ клиру и не имѣлъ сана пресвитера, заставили его своими просьбами — изъяснить въ храмѣ священное Писаніе въ ихъ же присутствіи. Димитрій, епископъ Александріи, тогда же узналъ объ этомъ и прямо выражалъ свое неудовольствіе на Оригена. Къ Теоκτισту же, епископу Кесаріи палестинской, онъ писалъ, между прочимъ, что неслыханное дѣло, чтобы когда-нибудь и гдѣ-нибудь мирянинъ проповѣдывалъ въ присутствіи епископовъ, и требовалъ, чтобъ Оригенъ немедленно возвратился въ Александрію. Оригенъ также повиновался своему епископу, какъ не свою волю выполнялъ въ Кесаріи и Іерусалимѣ, и тогда же возвратился въ Александрію. Не знаемъ, какъ и чѣмъ встрѣтилъ его на этотъ разъ Димитрій, извѣстно только, что Оригенъ получилъ отъ него теперь же новое важное порученіе. Маммея, тетка Геліогабала и мать Александра Севера, находясь въ главномъ городѣ Сиріи — Антиохіи, слышала здѣсь много прекрасныхъ отзывовъ и разказовъ о достоинствахъ Оригена и пожелала видѣть его у себя и бесѣдовать съ нимъ. Оригенъ немедленно же отправился въ Антиохію; много бесѣдовалъ съ Маммеей и особенно живо представилъ ей величіе Искупителя и высоту Его ученія. Впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь, было сильно и рѣшительно: посольство его кончилось тѣмъ, что Маммея сдѣлалась христіанкою, а сынъ ея — Александръ Северъ

возвратилъ Церкви миръ, которымъ наслаждалась она съ 13 года и до конца его царствованія.

Возвратившись въ Александрію, Оригенъ проводитъ цѣлые годы въ напряженныхъ литературныхъ работахъ своихъ. По неотступной просьбѣ друга Амвросія онъ особенно занялся теперь изданіемъ своихъ библейскихъ комментариевъ. Амвросій, богатый и ученый александріецъ и христіанинъ, не хотѣлъ, какъ рассказываютъ, довольствоваться прямымъ и положительнымъ ученіемъ христіанства въ томъ видѣ, въ какомъ предлагалось оно тогдашними учителями Церкви, и искалъ высшаго, духовнѣйшаго пониманія христіанства. Поиски повели къ тому, что онъ уклонился отъ православнаго образа мыслей и сдѣлался сторонникомъ гностицизма — Маркіонова, съ одной стороны, и Валентинова — съ другой. Оригенъ видѣлъ пропасть, въ которую стремился Амвросій; любовью друга и вліяніемъ старался удержать неопытнаго отъ его крайняго ниспаденія и вскорѣ же дѣйствительно возвратилъ его въ Церковь. Съ этого времени Амвросій ни на минуту не оставлялъ Оригена; а заботливый о немъ Оригенъ съ избыткомъ удовлетворялъ его жаждѣ — болѣе высшаго пониманія Писанія и христіанства.. Въ видахъ общей пользы и блага Церкви Амвросій старался теперь только о томъ, чтобы все, найденное имъ у Оригена, было, какъ можно скорѣе, издано въ свѣтъ, и, не смотря на нежеланіе и несогласіе съ нимъ Оригена, настаивалъ на своемъ. Чтобы ускорить ходъ работъ Оригеновыхъ, онъ употребляетъ въ дѣло все свое вліяніе и не щадитъ средствъ, необходимыхъ Оригену къ пріобрѣтенію и сличенію разныхъ священныхъ манускриптовъ. Писцы, бумага и книги, въ свою очередь, были уже

готовы. При такихъ побужденіяхъ и условіяхъ Оригенъ не могъ, наконецъ, не уступить другу и началъ работать, сколько доставало силъ и времени. Семь писцовъ попеременно записывали то, что диктовалъ онъ имъ; столько же переписчиковъ переписывали продиктованное. Амвросій былъ въ восторгѣ, и довольный этимъ Оригенъ шутливо называлъ его своимъ «погонщикомъ». Но по той мѣрѣ, какъ работалъ неустававшій Оригенъ, по той мѣрѣ назначалъ ему новыя работы неотступный Амвросій. Какой напряженной усидчивости, какого самоотверженія требовали отъ Оригена эти работы, — узнаемъ изъ собственнаго же разсказа его. «Я не могъ вечерять отъ занятій сличеніемъ рукописей», — говорилъ онъ объ этихъ работахъ своихъ, — «и не могъ дать покоя тѣлу моему поемъ вечерянія. Между тѣмъ я еще долженъ былъ дѣлать филологическія розысканія, исправлять рукописи», и проч... «Даже ночью не приходилось мнѣ поспать: филологія похищала большую часть моей ночи. Не говорю уже о томъ, что я былъ занятъ отъ ранняго утра до девятого и даже до десятого часа вечера. Это время и всякій, кто только имѣетъ любовь, посвящаетъ чтенію и изученію Слова Божія»... Такая дѣятельность не могла не быть многоплодною. Лучшія сочиненія Оригеновы, каковы: сочиненіе — «*Περὶ ἀρχῶν*» и Опроверженіе Цельса, были прямыми результатами оной.

Между тѣмъ церкви Ахаіи (древней Греціи) давно уже были возмущаемы появившимися въ нихъ еретиками. Епископы ахайскіе обратились съ просьбами къ Димитрію александрійскому — помочь имъ въ борьбѣ противъ возмутителей. По волѣ своего епископа Оригенъ долженъ былъ оставить свои десятилѣтнія занятія по св. Писанію и съ

одобрительными отъ него письмами отправился въ Ахаію для обличенія еретиковъ. На пути туда онъ проходилъ, между прочимъ, чрезъ Палестину, епископы которой — Александръ іерусалимскій и Θεоктистъ, (по нѣкоторымъ — Θεотекнъ) кесарійскій, давно уже уважавшіе Оригена, какъ великаго учителя христіанскаго, съ радостію встрѣтили его и, не смотря на несогласіе его, рукоположили его въ санъ пресвитера. Это было въ 228 году по Р. Хр., на 43 году жизни Оригена. Случай этотъ имѣлъ рѣшительное и печальное вліяніе на всю послѣдующую судьбу Оригена. Мы знаемъ уже, что и прежде этого епископъ александрійскій сильно былъ недоволенъ на епископовъ — іерусалимскаго и кесарійскаго за то, что въ Церкви и въ своемъ присутствіи они позволили Оригену — мірянину изъяснять свящ. Писаніе. Теперь, когда безъ его вѣдома и согласія рукоположили они Оригена въ санъ пресвитера, неудовольствіе его къ нимъ и гнѣвъ къ невинному Оригену оказались болѣе рѣшительными. Быть можетъ, что Димитрій былъ затронутъ собственно тѣмъ, что санъ пресвитера получилъ Оригенъ не отъ него, а отъ знаменитыхъ епископовъ Палестины Оригенъ, по крайней мѣрѣ не былъ прямо виноватъ предъ своимъ епископомъ. Вся вина его предъ Димитріемъ состояла, какъ думаетъ Іеронимъ, развѣ въ томъ, что его знаменитость, слава и популярность вообще не могли быть въ интересахъ положенія Димитріева; что своею ученостію, трудами и добродѣтелями онъ не могъ не заслонять личности своего епископа, если не сказать, — не могъ не обнаруживать болѣе слабыхъ и человѣческихъ сторонъ его. Къ тому-жь: въ виду Оригена и самъ Димитрій не могъ не почувствовать, что онъ — человѣкъ. Въ первомъ

порывъ негодованія онъ требуетъ Оригена въ Александрію. До конца покорный волъ своего епископа, Оригенъ, не смотря на бурю, которая поднималась противъ него со стороны Димитрія, тогда же возвратился въ Александрію и здѣсь, въ предчувствіи уже страшной грозы, снова занялся прежними своими работами. Въ комментаріи на Іоанна онъ говоритъ, что пять первыхъ книгъ этого пространнаго комментарія были написаны имъ въ это именно время послѣдняго его пребыванія въ Александріи. Казалось бы, что возможность подобныхъ занятій для Оригена была уже видимымъ знакомъ болѣе мирныхъ и добрыхъ отношеній къ нему со стороны Димитрія; на самомъ же дѣлѣ — это была только та тяжелая и страшная тишина, за которой всегда слѣдуетъ разрушительный вихрь и страшные удары грома. Оригенъ вскорѣ же почувствовалъ опасность своего положенія и, не желая оставаться долѣе на глазахъ раздражающагося Димитрія, снова удалился въ палестинскую Кесарію, благодаря Господа за то, что Онъ, чудесно избавившій народъ Свой отъ руки Фараоновой и изведшій оный изъ земли египетскія, извелъ и его изъ Александріи и спасъ отъ руки тѣхъ, кои преслѣдовали его и жаждали крови его. Между тѣмъ, оставляя Александрію, Оригенъ тогда же сдѣлалъ распоряженіе относительно любимаго училища и учениковъ его: Гераклу, какъ лучшему и старѣйшему изъ учениковъ своихъ и какъ давнему уже помощнику своему по училищу, онъ передалъ свою ученую каедрю и дирекцію. Подобная предусмотрительность не могла, конечно, не затронуть Димитрія: онъ долженъ былъ почувствовать, что Оригенъ предъупредилъ его... Растерявшись отъ неудачи своей, онъ наскоро созываетъ, въ 231 году,

ближайшихъ къ себѣ епископовъ и пресвитеровъ и формально опредѣляетъ — лишить Оригена катедры и выгнать изъ Египта. Но едва прошли первыя минуты его пыла и раздражительности на Оригена, какъ онъ снова почувствовалъ, что слишкомъ ужъ не встаети поспѣшалъ лишить Оригена того, чего послѣдній давно уже лишилъ себя по доброй волѣ. Въ надеждѣ, какъ кажется, оправиться отъ новой неудачи своей Димитрій созываетъ другое — многочисленнѣйшее собраніе, на которомъ объявляетъ уже Оригена недостойнымъ сана пресвитера; и, чтобы придать большую силу и значеніе этому опредѣленію, разсылаетъ оное въ особыхъ посланіяхъ къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ. Многіе епископы вполне согласились съ Димитріемъ и безъ всякихъ разслѣдованій рѣшились ни въ чемъ не имѣть болѣе общенія съ Оригеномъ. Но епископы Палестины, Ахаіи, Финикіи и Аравіи не согласились съ Димитріемъ и твердо стояли за Оригена. Александръ, епископъ іерусалимскій, тогда же писалъ Димитрію, что Оригенъ рукоположенъ во пресвитера по одобрителному письму (*seristola formata*) самого же Димитрія, то-есть, по такому письму, въ которомъ Димитрій свидѣтельствовалъ объ Оригенѣ, какъ о православномъ сынѣ Церкви, если только не говорилъ и объ особенныхъ его преимуществахъ. Оставаясь въ Кесаріи, Оригенъ, въ свою очередь, писалъ письмо къ друзьямъ своимъ въ Александрію. Письмо написано было съ такимъ великодушіемъ и покорностію волѣ Промысла, какими дѣйствительно отличался только Оригенъ. Онъ предоставлялъ враговъ и обвинителей своихъ нелицепріятному суду Божию; выражалъ искреннее о нихъ сожалѣніе и не только не мыслилъ имъ какого-нибудь зла, но напротивъ

просилъ Господа о Его всецѣдой къ нимъ благодати и милосердіи: такъ относился онъ къ тѣмъ, которые лишали Церковь Христову лучшаго ея украшенія. По всему видно, что буря не въ состояніи была потрясти исполинскую скалу. Ту же твердость духа, тотъ же аскетизмъ, тоже воодушевленіе къ христіанству видимъ въ Оригенѣ теперь, какъ и прежде. Теперь онъ сталъ только болѣе спокойнымъ, болѣе осторожнымъ и сдержаннымъ и, словомъ, болѣе вѣрнымъ духу Церкви.

Какъ изгнанникъ — Оригенъ не могъ, конечно, дѣйствовать и трудиться теперь для одной строго-опредѣленной цѣли; не могъ систематически вести свои ученые занятія. Но всегда и вездѣ подвизался онъ для блага Церкви и христіанства, кѣгда бы и гдѣ бы ни приходилось ему находить убѣжище; такъ что — изгонявшіе его, сами не подозрѣвая того, расширяли только его вліяніе и кругъ дѣятельности. Въ Кесаріи, подъ защитой Теоکتиста епископа, онъ изгнанникъ открываетъ ученую христіанскую школу, которая едва ли не превзошла, потомъ, блескомъ своимъ знаменитую школу александрійскую, и для всей Палестины послужила разсадникомъ научно-христіанскаго образованія и направленія, столь энергично развивавшагося изъ нея, какъ изъ полносочнаго корня. Извѣстно, что и въ Кесаріи, также какъ и въ Александріи, Оригенъ привлекалъ къ себѣ множество слушателей; что и здѣсь, какъ и тамъ, онъ былъ знаменитѣйшимъ учителемъ многихъ знаменитыхъ впоследствии дѣятелей и подвижниковъ вѣры и христіанской науки. Между прочимъ изъ теперешнихъ учениковъ его вспомнимъ, для примѣра, о св. Григоріѣ Чудотворцѣ, знаменитѣйшемъ епископѣ неокесарійскомъ, и родномъ братѣ Григорія — глубокообразованномъ Аѣинодорѣ. На пути въ Берить, славный своею школою

правовѣдѣнія, они проѣзжали чрезъ Кесарію, гдѣ и познакомились съ Оригеномъ. Прелесть воодушевленія и сила ума и словъ, съ какими изобразилъ имъ Оригенъ достоинства истинной философіи, были столько неотразимы, что оба брата забыли и Берить, и училище правовѣдѣнія, и всею душою привязались къ Оригену. Рассказывая объ этомъ воодушевленіи и силѣ слова Оригена-учителя, св. Григорій Чудотворецъ, между прочимъ, выражается, что въ нихъ «изливалась душа Ионаана, сливавшаяся съ душою Давида».

Въ 235-мъ году прекращена была многоплодная дѣятельность Оригена и въ училищѣ кесарійскомъ. Сдѣлавшись императоромъ, Максиминъ, ненавидя къ дому своего предшественника, сдѣлался вмѣстѣ и врагомъ Церкви. Отыскивая, по преимуществу, христіанскихъ учителей онъ хотѣлъ особенно схватить и казнить Оригена. Оригенъ видѣлъ опасность свою и предупредилъ ее, скрывшись въ Кесарію Каппадокійскую, куда приглашалъ его тамошній епископъ Фирмилианъ. «Несчастія, какія постигаютъ насъ безъ нашей вины», говорилъ теперь осторожный Оригенъ, «всегда должны быть смѣло встрѣчаемы и переносимы нами. Но мы были бы преступниками, если бы, имѣя возможность предотвращать оныя, не захотѣли сдѣлать того»... Въ глубокой сокровенности жилъ Оригенъ въ своемъ новомъ убѣжищѣ, въ домѣ одной христіанской женщины Іуліаніи. Тутъ онъ сдѣлалъ нѣсколько ученыхъ изслѣдованій по священному Писанію и, между прочимъ, переводъ ветхаго завѣтъ, сдѣланный Симмахомъ; тутъ же пополнялъ онъ свои «*Нехарла*». Между тѣмъ Амвросій былъ схваченъ гонителями и заключенъ въ темницу вмѣстѣ съ пресвитеромъ Протоктемъ. Оригенъ видѣлъ, что съ потерей Амвросія терялась

для него лучшая опора жизни его, во всѣхъ внѣшнихъ ея отношеніяхъ; онъ не заботился о другомъ. Величіе предстоявшей Амвросію смерти мученика воодушевляло его и онъ писалъ къ другу письмо, въ которомъ старался воодушевить его и его сподвижника къ твердому исповѣданію имени Христова. Письмо состояло почти изъ однихъ словъ священнаго Писанія: Оригенъ признавалъ, что убѣждать къ смерти и подвигамъ за истину можно только словами той-же истины. Амвросій имѣлъ жену, дѣтей и огромныя богатства: Оригену казалось, поэтому, что другъ его легко можетъ поколебаться въ своей неустрашимости. Въ виду этого онъ разъясняетъ Амвросію, что чѣмъ серіознѣе привязанности, приносимыя нами въ жертву Богу, тѣмъ болѣе прославляется нами имя Божіе и тѣмъ славнѣе наша жертва. Если бы въ такой же или еще въ большей, противъ твоего, мѣрѣ располагалъ я земными благами; то съ какою охотой я разстался бы съ ними ради Иисуса Христа, для того, чтобы, по милости Его, быть усыновленнымъ Отцу, который есть Господь и Отецъ неба и земли», писалъ къ узнику-другу Оригенъ «Между тѣмъ справедливость требуетъ», продолжалъ онъ, «чтобы мы, бѣдные добродѣтелями, приносили въ жертву то, чѣмъ дорожимъ — какъ сокровищемъ; чтобы, по крайней мѣрѣ, ради любви къ Иисусу Христу готовы были разстаться съ любовію и привязанностію къ земнымъ благамъ, къ дорогимъ дѣтямъ и къ тому блеску, котораго многіе изъ насъ домогаются съ такими усиліями...» Амвросій остался однако-жъ, въ живыхъ. Въ 238 году миръ церковный былъ восстановленъ, и Оригенъ послѣшилъ изъ Каппадокіи въ Виѳинію. Здѣсь, въ Никомидіи, онъ засталъ друга Амвросія и здѣсь же писалъ

онъ знаменитое письмо къ Юлію, проконсулу африканскому. Юлій, проницательнѣйшій и знаменитый въ свое время историко-ислѣдователь, по поводу исторіи о Сусаннѣ усомнился въ авторитетѣ александрійскаго перевода 70-ти. Въ письмѣ къ нему Оригенъ имѣлъ въ виду раскрыть историческую важность и несомнѣнность церковныхъ преданій относительно боговдохновенности поревода 70-ти.... Изъ Никомидіи Оригенъ отправлялся еще въ Аѳины, гдѣ и прожилъ довольно долгое время, занимаясь, какъ говорятъ, толкованіями пророчествъ Езекиила и книги: Пѣснь пѣсней. Возвратившись отсюда въ Палестину онъ вскорѣ же получилъ приглашеніе и просьбы аравійскихъ епископовъ — помочь имъ въ ихнемъ горѣ. Бериллъ, епископъ аравійскаго города Боцры или Бостры, человекъ, какъ рассказываютъ, очень ученый, съ честію правилъ своею церковію, доколѣ не привнесъ невѣрныхъ мнѣній своихъ въ ученіе Церкви о лицѣ Богочеловѣка. Бериллъ началъ учить, что прежде Своего рожденія на землѣ Христосъ не имѣлъ вѣчнаго божественнаго бытія, также какъ не имѣлъ онаго и послѣ рожденія: Христосъ, по ученію Берилла, былъ только приобщенъ божеству Отца, которое и дѣйствовало въ немъ своею силою. Оригенъ поспѣшилъ въ Аравію и дѣйствительно возвратилъ заблуждавшаго къ здоровому образу мыслей. Позднѣе Оригенъ еще разъ посѣтилъ Аравію. Одна изъ партій, принадлежавшихъ здѣсь къ направленію іудействующихъ, фанатически развивала и доказывала мысль, что душа, умирая вмѣстѣ съ смертію тѣла, оживаетъ съ его воскресеніемъ. Соборъ, созванный для пресѣченія этой ереси, не имѣлъ успѣха. Но Оригенъ, въ системѣ котораго ученіе о неразрушимой и безсмертной природѣ души занимало

одинъ изъ самыхъ важныхъ и разработанныхъ пунктовъ, возвратилъ и этихъ заблуждавшихъ къ правому образу мыслей. Вновь возставшая къ этому времени ересь элзеаитовъ, въ свою очередь, была обезсилена и подавлена Оригеномъ.

Шестьдесятъ лѣтъ провелъ доселѣ Оригенъ съ разнообразными переменами и превратностями судьбы своей. Не смотря на это онъ не чувствовалъ еще ни малѣйшей усталости и разслабленія. Мы знаемъ, что почти каждодневно онъ предлагалъ въ это время бесѣды свои на свящ. Писаніе и что прекрасная и обширная его апологія христіанству противъ Цельса была написана имъ въ это именно время. Кромѣ того Оригенъ по прежнему велъ свою обширную переписку съ друзьями и по прежнему же находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ такими особами, какъ Филиппъ аравитянинъ и Севера — супруга Филиппа.

Димитрій, епископъ александрійскій, скончался въ 235 году, то-есть вслѣдъ затѣмъ, какъ Оригенъ принужденъ былъ бѣжать отъ Максимина въ Кесарію каппадокійскую; а Гераклъ, ученикъ, помощникъ и преемникъ Оригена по училищу, получилъ епископскую кафедру въ Александріи. Казалось, обстоятельства измѣнились, наконецъ, къ лучшему для Оригена и обѣщали страдальцу покой и свободу отъ преслѣдованій и злобы человѣческой; но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ противное. Волненіе умовъ, произведенное еще Димитріемъ, стало болѣе и болѣе. Изъ Александріи оно распространилось по всему Египту; перешло въ Палестину, Грецію и проч., и видимо нарушило миръ Церкви. На долю Оригена ничего не оставалось, кромѣ терпѣнія и терпѣнія. Онъ слышалъ только обвиненія въ богохульствѣ и ересьхъ;

на него и на сочиненія его указывали — какъ на причину церковнаго волненія. Не рѣдко, даже въ церковныхъ бесѣдахъ своихъ, онъ съ скорбію указывалъ на безчеловѣчные вымыслы и клеветы враговъ своихъ и горько жаловался на разныя намѣренныя и насильственныя вставки, поврежденія и искаженія, привнесенныя въ сочиненія его другимъ. «Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые имѣютъ охоту осуждать ближнихъ», писалъ онъ къ друзьямъ въ Александрію, «приписываютъ намъ къ ученію нашему богохульство, котораго отъ насъ никогда не слыхали, и говорятъ — будто мы утверждаемъ, что отецъ нечестія и погибели изринутыхъ изъ царства Божія — діаволь долженъ нѣкогда спастись», и проч.... Защищая себя отъ этой клеветы, Оригенъ тутъ-же говорилъ, между прочимъ, что такому ученію никогда и никого не училъ онъ; что весьма многое въ сочиненіяхъ его испорчено только неблагоразуміемъ и злобой другихъ; что подъ его именемъ изданы даже такія сочиненія, которыхъ онъ никогда не видалъ, — въ доказательство чего и указывалъ на два сочиненія, въ порчѣ и подлогѣ которыхъ признались сами виновные. Также защищалъ онъ себя и въ письмѣ къ Фабіану, епископу римскому. Онъ писалъ Фабіану, что-хотя, по старости своей, и не припомнитъ онъ всего, чему прежде училъ другихъ; тѣмъ не менѣе — онъ твердо помнитъ, что никогда и никого не училъ ересямъ и заблужденіямъ: но что многое, чѣмъ соблазняются въ его сочиненіяхъ, произошло, между прочимъ, и отъ того, что поспѣшный и неосмотрительный Амвросій — безъ его согласія и вѣдома выдалъ въ свѣтъ черновыя или домашнія записки его.

Но оправданія Оригена остались совершенно напрасными

и ни мало не облегчили тяжелой доли его. Въ сочиненіяхъ его искали только ересей и неправомыслия и обходили молчаніемъ все то, что было въ нихъ истинно-высокаго. Оригенъ чувствовалъ — какой незаслуженный конецъ готовить ему и видимо примирялся уже съ его горечью. Особенно больно и тяжело было ему то, что обвиненія противъ него и несправедливости выходили и распространялись изъ нѣдръ той церкви, которой отдалъ онъ лучшіе годы и силы свои. Но онъ, говоримъ, примирялся уже съ долей своей и благодушно ожидалъ конца...

Въ 250 году Декій воздвигъ гоненіе на Церковь. Оригенъ былъ схваченъ, заключенъ въ темницу и, готовый принести себя въ жертву за вѣру, самымъ дѣломъ ниспровергалъ теперь клеветы и обвиненія враговъ. Его держали въ темницѣ, привязывали и водили на цѣпи, забивали въ колодки, подвергали разнымъ пыткамъ; но ничѣмъ не могли исторгнуть у него колебанія въ вѣрѣ или заставить его измѣнить ей: исповѣдникъ остался непоколебимъ и съ радостію ожидалъ смерти. Усталые палачи снова бросили его въ темницу... Измученный израненный — Оригенъ не переставалъ, однако-жъ, до конца заботиться о благѣ Церкви. Изъ темницы писалъ онъ полное утѣшенія и подкрѣпленія письмо къ тѣмъ изъ вѣрующихъ собратій, которые, среди подвиговъ и страданій своихъ за вѣру, нуждались въ дѣйствительной поддержкѣ...

Декій, между тѣмъ, вскорѣ умеръ, — и Оригенъ, умершій уже для жизни земной, вышелъ изъ темницы только для того, чтобы въ послѣдній разъ вздохнуть подъ тяжестію горькой судьбы своей. Ученикъ и другъ его Діонисій, преемствовавшій по епископской кафедрѣ Александріи умершему

уже Гераклу, писалъ ему утѣшительное письмо и просилъ провести остатокъ дней своихъ подъ его кровомъ. Но Оригену не было суждено видѣть болѣе Александрію и любезное ему училище. Въ 254 году по Р. Хр., и на 70 году жизни своей онъ скончался въ Тирѣ отъ ранъ, коими палачи Декіевы усиливались исторгнуть у него отреченіе отъ вѣры. Друзья Оригеновы — Амвросій и Александръ, епископъ Іерусалимскій скончались нѣсколькими годами раньше его...

Вотъ — вкратчѣ исторія жизни и дѣятельности Оригена. Слѣдя за этой жизнью и развитіемъ ея нельзя не замѣтить, что они движутся постепенно въ трехъ главныхъ періодахъ своихъ. Первый періодъ составляетъ время юношескаго ревнованія Оригена въ вѣрѣ или строгаго нравственнаго аскетизма его, — время, въ которое Оригенъ живетъ, по преимуществу, чувствомъ и вѣруетъ сердцемъ и въ которое, скажемъ, дремлетъ еще могучій александрійско-богословскій умъ его... Съ пробужденіемъ этого ума начинается второй періодъ жизни и развитія Оригена: греческая философія и наука вообще придаютъ уму его большую, скажемъ, мягкость, тонкость, гибкость, быстроту и полетъ. Сочиненіе: *Περὶ ἀρχαῶν*, написанное, какъ говоритъ Маркеллъ Анкирскій, въ то именно время, когда Оригенъ былъ погруженъ въ созерцанія идей Платоновой философіи, всего лучше характеризуетъ этотъ періодъ философскихъ созерцаній и научныхъ построений Оригена. Третій періодъ есть періодъ зрѣлаго мужества или старчества Оригенова: основныя идеи Оригена вообще и въ цѣломъ остаются тѣ-же самыя. Разница только въ томъ, что Оригенъ становится теперь болѣе умѣреннымъ, болѣе

спокойнымъ, сдержаннымъ, осмотрительнымъ и, если можно такъ выразиться, болѣе церковнымъ. Печальная доля Оригена и болѣзненные опыты жизни его не могли не развиваться въ немъ силы владѣть собой. Апологія христіанству противъ Цельса, написанная Оригеномъ-мужемъ, какъ нельзя лучше характеризуетъ этотъ третій и послѣдній періодъ жизни и развитія Оригена, — періодъ полной умственной и нравственной его зрѣлости.

(Продолженіе будетъ.)

БЕСѢДА

о необходимости въ крестьянскомъ быту грамотности, сказанная наставникомъ Феодоровскаго сельскаго училища, села Феодоровскаго священникомъ Іоанномъ Поповымъ, 6 Октября 1863 года *).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ хочу я побесѣдовать съ вами, братіе, о такомъ дѣлѣ, отъ котораго много зависятъ не только довольство и счастье настоящей жизни, но и вѣчное спасеніе въ жизни будущей, и на которое по этому самому обращено нынѣ вниманіе всѣхъ, — и людей духовныхъ, и простыхъ гражданъ, и начальниковъ, и даже Самого Великаго Государя, — словомъ: хочу поговорить съ вами о грамотности и той великой пользѣ, какую можетъ принести она въ быту нашемъ.

Стариги, вѣдь, правду говорятъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Знаетъ эту правду и нашъ Отець Государь, всегда пекущійся о благѣ своихъ подданныхъ, и потому по всѣмъ городамъ, селамъ и мѣстечкамъ старается Онъ заводить какъ можно больше школъ и разныхъ училищъ.

Теперь, вы слышали, я думаю, почти при каждой сельской церкви есть свое училище. А для чего все это? Для того, что нашъ православный Государь желаетъ сдѣлать и весь народъ свой истинно православнымъ, добрымъ и счастливымъ.

---

*) Въместо разныхъ извѣстій, сообщаемъ нашимъ читателямъ эту замѣтельную бесѣду, напечатанную въ № 8 «Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей».

У человѣка вся сила — въ головѣ, въ умѣ, въ знаніи, въ наукѣ. Еслибъ у человѣка да не умъ, — такъ его всякій бы звѣрь обидѣлъ. Всѣ мы родимся на свѣтъ и наги, и слабы, и беззащитны. Животнымъ далъ Господь, по крайней мѣрѣ, шерсть и перья, чтобы укрыться отъ погоды; Онъ одарилъ ихъ особымъ чутьемъ для приисканія пищи; указалъ имъ норы, берлоги и гнѣзда для защиты отъ холода; человѣку же ничего этого не дано отъ Господа. За то ему данъ разумъ; но и разумъ тогда только пригоденъ человѣку, только тогда возвышаетъ его надъ животными, когда онъ просвѣтитъ его наукою, а наука дается черезъ грамотность. Съ умомъ, да съ наукою человѣкъ нашелъ себѣ все нужное въ жизни, покорилъ всѣхъ животныхъ, превозмогъ и воду и воздухъ, и даже для собственнаго облегченія и пользы заставилъ ихъ на себя работать. Нужно, напримѣръ, человѣку перетащить съ одного неблизкаго мѣста въ другое какія-либо тяжелыя вещи для своего обихода, — на плечахъ нести трудно, да и неловко. Вотъ онъ придумалъ телѣжку, наложилъ что нужно, да и тащить. Потомъ, нѣтъ... усталъ... заложилъ лошадь; однакожъ наконецъ устала и лошадь. Подумалъ человѣкъ, поучился да и догадался: досталъ изъ рѣки воды, налилъ ее въ большой котель, подложилъ подъ котель дровъ, и добылъ изъ воды пару; принаровилъ къ этому пару машину, положилъ на нее свою грузную ношу, сѣлъ самъ — и помчался по чугункѣ, какъ птица.

И мало ли какія хитрости придумалъ человѣкъ для своей пользы и удобства! Онъ заставилъ и вѣтеръ и воду работать на мельницахъ; разумомъ да наукою человѣкъ покорилъ своей власти и море и сушу, одолѣлъ непогоду, и различныя болѣзни, и многія другія напасти.

Быть можетъ, вы скажете, что до всѣхъ этихъ хитростей вамъ доходить не надобно. Это — отчасти и правда и неправда. Хорошо живутъ и въ нашемъ быту люди исправные, хоть и неграмотные; но несравненно большимъ почетомъ, уваженіемъ и достаткомъ пользуются люди обученные; а къ большимъ, какъ говорите вы, наукамъ теперь открыта дорога всѣмъ сословіямъ, не исключая и крестьянскаго, только учись — сдѣлай милость. Я знаю самъ многихъ знаменитыхъ на Руси людей, которые вышли изъ крестьянскаго званія. На это опять вы скажете, что такая наука для васъ и для вашихъ дѣтей не подь силу.

Положимъ, что и такъ, — не всёмъ же быть людьми высокоучеными. Да вотъ бѣда: оставляя дѣтей своихъ вовсе безграмотными, отнимаете у нихъ много и весьма много хорошаго въ будущемъ. Быть можетъ, твой сынъ родился съ особеннымъ умомъ и способностями; быть можетъ, ставши грамотнымъ, онъ пристрастился бы къ наукѣ и, при ничтожномъ твоёмъ пособіи, или и самъ собою, вышелъ бы со временемъ великимъ человѣкомъ. Зачѣмъ не желать дѣтямъ добраго? Зачѣмъ упорно скрывая отъ нихъ свѣтъ и пользу науки, лишать ихъ будущаго счастья, а общество — людей, которые со временемъ могли бы быть ему полезны?

Даже въ вашемъ крестьянскомъ быту грамотность — первое дѣло. Ужъ вы тамъ какъ ни толкуйте, а приятно смотрѣть на грамотнаго крестьянина; какъ-то у него все не то, что у другого: и рѣчь складнѣе, и въ домѣ — то лучше.

Въ хозяйствѣ, напримѣръ, всему есть счетъ да мѣра. Но можетъ ли безграмотный упомнить всё свои доходы и расходы по хозяйству? А вѣдь безъ строгой, разумной расчетливости нынче и жить невозможно. Грамотный продать ли, купить ли что захочетъ, — никто его не обманетъ; въ работу ли пойдетъ, — и тамъ, чтобъ вѣрнѣй получить заработки, онъ напишетъ условіе съ хозяиномъ. Письмо ли придетъ отъ родного, неграмотный, чтобъ прочитатъ, поиди да кланяйся людямъ; самъ ли отписать вздумалъ, — опять ищи человѣка. Оброкъ ли подашь въ контору, — опять не знаешь, за что и сколько именно денегъ записано въ твою платежную книжку. Да и не перечесть всего, чѣмъ грамотность полезна въ быту вашемъ!

До сихъ поръ говорилъ я съ вами, бр., о томъ, какъ много значить грамотность въ вашихъ дѣлахъ общественныхъ, житейскихъ; теперь поговорю о самомъ главномъ, а именно о томъ, какую великую пользу доставляетъ грамотность нашей душѣ, какъ облегчаетъ она всёмъ и каждому доступъ въ царство небесное.

Прежде всего спрощу я васъ: почему вы называете себя православными христіанами? — Не потому ли, что вѣруете въ Господа нашего Иисуса Христа? Если такъ, то всё ли вы и совершенно знаете, что Иисусъ Христосъ есть Единородный Сынъ Божій, вѣчный, равный въ

могущество и слава Богу Отцу; что Онъ во время оно, чрезъ плотское рождение отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, принялъ на себя наше человѣческое естество, чтобъ пострадать и умереть за грѣхи всего міра; что Онъ лично училъ людей совершеннѣйшей вѣрѣ въ Бога; что на третій день послѣ Своей смерти Онъ воскресъ и потомъ вознесся съ тѣломъ на небо, обѣщая приготовить для насъ царство небесное; что Онъ опять со славою придетъ на землю судить всѣхъ людей живыхъ и умершихъ? Въдъ это такія святая и спасительныя истины, что знать ихъ въ совершенной подробности необходимо каждому христіанину.

Далѣе: Господь, кромѣ вѣры, требуетъ отъ насъ и дѣлъ богоугодныхъ. Какія же дѣла Ему угодны, едвали каждый изъ васъ, въ особенности неграмотный, божественныхъ книгъ не читающій, хорошо уяснить себѣ можетъ. Отъ этого и происходитъ, что иное богопротивное дѣло вами и въ грѣхъ не ставится. Отъ того-то въ наше время такъ обыкновенны пьянство, воровство и разные другіе пороки; въ семействахъ стали замѣтны раздоры, неповиновеніе дѣтей отцу и матери, неуваженіе къ старшимъ. Все зло отъ того, что нынѣшній, въ особенности молодой, народъ не знаетъ заповѣдей Божіихъ, не приученъ изъ дѣтства слѣдовать во всемъ закону евангельскому. Кому же и какъ научить такой народъ истинной вѣрѣ и жизни богоугодной?

Положимъ, есть у насъ для этого учителя и пастыри духовные; но, согласитесь сами, что просвѣтить свѣтомъ истинной вѣры всѣхъ и каждого, особенно неграмотныхъ, для пастырей — есть трудъ не малый; да и въ храмѣ Божиѣмъ, гдѣ главнымъ образомъ предлагается божественное ученіе, не всѣ и не всегда бываютъ. Иное дѣло, еслибъ всѣ вы отъ мала до велика были грамотны, тогда и въ храмѣ преподаваемое ученіе было бы для васъ понятнѣе и дома вы могли бы поучаться правой вѣрѣ и благочестію изъ книгъ священныхъ. Наставнику тогда оставалось бы только руководить васъ въ этой святой наукѣ: сами вы получили бы для души великую пользу, да и дѣтей своихъ научили бы всему доброму. Вотъ для чего прежде и больше всего нужна грамотность?

Неграмотный хотѣлъ бы иногда и Богу помолиться, да только и знаетъ онъ, что «Исусе Сыне Божій, помилуй мя!»... «Пресвятая Богородице, спаси насъ!» а больше едвали что сказать умѣетъ. Еслижъ и

зачитаешь какую-либо другую церковную молитву, то перепутаешь ее такъ, что страшно и вымолвить; тогда какъ грамотный всякую молитву читаетъ правильно, — вставая одну, ложась спать другую, предъ обѣдомъ третью и т. д. Придетъ ли въ церковь Божію неграмотный, что онъ, здѣсь стоя, понимаетъ? — почти что ничего. А вѣдь службу Божію для всѣхъ служить, говорить людямъ, говорить что Богъ велѣлъ. Еслижъ Богъ велѣлъ для всѣхъ говорить и читать въ церкви; то стало быть Онъ велѣлъ всѣмъ и разумѣть то, что говорить, поютъ или читаютъ. Какъ же будетъ разумѣть все это неграмотный? Видите ли, бр., какое несчастіе быть неграмотнымъ! И въ этой-то жизни нельзя назвать его не только православнымъ, но и христіаниномъ; потому что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ православная вѣра и какъ слѣдуетъ жить по-христіански. Каково же будетъ, когда придется умереть и отдать во всемъ отвѣтъ Богу?

Выслушавъ слова мои, вы, можетъ быть, скажете: «оно не худо бы выучиться грамотѣ, да вѣдь когда же намъ?» — Конечно, ваше время ушло; такъ отдавайте же дѣтей своихъ въ школу, непременно отдавайте, не лишайте ихъ свѣта и спасенія! Они, быть можетъ, своею грамотностію помогутъ и вашему спасенію. Чтобъ дѣти ваши стали грамотны, отъ васъ не требуютъ ни денегъ, ни иныхъ издержекъ, а только доброй воли вашей.

Знаю, что противъ этого у васъ есть тоже много отговорокъ, но все онѣ такъ ничтожны и неразумны, что мнѣ объ нихъ не хотѣлось бы и слышать.

Вотъ, напримѣръ, ваша старая и, правду сказать, неразумная отговорка, надъ которою нынче уже все смѣются, — вы иногда говорите: «на что намъ грамота? Отцы и дѣды наши жили безъ грамоты; училищъ и разныхъ школъ въ ихъ время не было, а они все-таки хлѣбъ ѣли». Да мало ли чего прежде не было на свѣтѣ? Прежде и домовъ у людей не было. Зачѣмъ же теперь ихъ строить? Кажется, можно бы прожить и въ шалашахъ. Нѣтъ, бр., это не причина! Хорошо жить отцовскимъ умомъ, а какъ своего прибавишь, — будешь жить лучше, и въ особенности въ наше мудреное время, когда за ученаго не двухъ, а десять неученыхъ даютъ, да и то помѣняться несходно.

Отъ многихъ же изъ васъ еще я слышалъ, что въ вашемъ быту грамотность не только не приноситъ пользы человѣку, но даже его портить, и будто грамотные оказываются иногда людьми негодными и даже вредными для общества. Не знаю, что объ этомъ и думать. Скажу вамъ только, что во всѣхъ крестьянскихъ училищахъ, а слѣдовательно и въ нашемъ, ничему худому не учатъ, а учатъ дѣтей читать церковныя и гражданскія книги, потому прежде и больше всего закону Божию, письму и счету. Все это — науки самыя полезныя. Еслижъ и выходить изъ грамотныхъ негодные люди; то это отъ того, что, хотьбы въ вашемъ обществѣ, быть можетъ, на сто человѣкъ придется одинъ грамотный. Вотъ онъ и станетъ думать о себѣ высоко, да искать заработковъ полегче, да смѣкать, какъ-бы ему, при своей грамотности, хоть пополамъ съ грѣхомъ, нажитья поскорѣе на счетъ неграмотныхъ. Кто же, кромѣ васъ самихъ, виноватъ въ этомъ дѣлѣ? Если бы всѣхъ дѣтей своихъ отдавали вы въ школу, и были бы они грамотны; то, вѣрно, никому изъ нихъ не вздумалось бы, да и не передъ-нѣмъ было бы гордиться грамотностію; отъ обычныхъ въ вашемъ быту работъ они не отбивались бы, да и самыя работы у грамотныхъ и умныхъ людей пошли бы успѣшнѣе. Въ примѣръ — я приведу вамъ нѣмцевъ-колонистовъ въ губерніи таврической, самарской и другихъ мѣстахъ нашего царства. Всѣ они отъ — мала до велика — люди грамотные, но занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ, какъ иные дворяне.

Нѣкоторые изъ васъ, хотя всема немногіе высказываютъ иногда, будто въ школѣ ученье не со всѣмъ успѣшно, и дѣти ваши не скоро выучиваются. Если бы это была правда, то мальчикамъ, по выходѣ ихъ изъ училища, писарскихъ и другихъ должностей не давали бы; училище не было бы, какъ вамъ извѣстно, въ такомъ хорошемъ мнѣніи у начальства; учениковъ не брали-бъ на расхватъ не только въ государственныя, но и въ господскія волости для письмоводства. А если нѣкоторые изъ нихъ и плохо учатся, то это — вина не наставника, который всѣхъ равно учитъ. И въ нашемъ духовномъ званіи всѣ учатся въ одной и той же школѣ, у однихъ и тѣхъ же наставниковъ, однимъ и тѣмъ же наукамъ; но не всѣ выходятъ изъ школы съ одинакимъ достоинствомъ и запасомъ знаній. Что дѣлать? — въ семьѣ не безъ уroda.

Иному Господь не далъ способностей къ наукамъ, другой самъ лѣнится, третьяго отецъ или мать портятъ потворствомъ. И здѣсь опять — таки вы сами много виноваты: пришлете сына въ школу на недѣлю, а тамъ недѣли двѣ и три сидитъ онъ у васъ дома и все, что выучилъ, забудетъ. Это ли ученье?

Ужъ если кто-либо изъ васъ своего ребенка хочетъ со временемъ видѣть совершенно грамотнымъ, умнымъ и добрымъ человѣкомъ, тотъ долженъ привести его въ училище въ надлежащее время и не отрывать его отъ занятій опять до указанного времени. Неужели вы думаете, что мальчику достаточно разъ заглянуть въ училище, чтобъ сдѣлаться уже и грамотнымъ? Безъ труда ничего не дается, а наука, повѣрьте, тѣмъ паче.

Наконецъ, у васъ главная отговорка, — будто вамъ посылать дѣтей своихъ въ училище и некогда и не въ чемъ, и не съ чѣмъ. Да правда ли это?... Я знаю, что мальчикъ или дѣвочка лѣтъ отъ 7 и до 12 зимою не приносятъ большой пользы въ хозяйствѣ. Опять, когда я бываю въ деревнѣ, даже въ будни, постоянно вижу, какъ дѣти ваши безъ всякаго дѣла толпою бѣгаютъ по улицѣ, привыкая только къ праздности, срамословію и другимъ порокамъ; напрасно изнашиваютъ одежду, въ которой могли бы ходить они въ школу и научиться, какъ я сказалъ уже, трудолюбію, порядку и многому, очень многому полезному. Что же касается хлѣба и обуви, то вѣдь и дома они у васъ не голодуютъ и не сидятъ босые, а при школьныхъ занятіяхъ ребенку нужно того и другаго гораздо меньше.

Не знаю, есть ли у васъ другія причины, болѣе достойныя вниманія, почему вы такъ мало и далеко не всѣ заботитесь о просвѣщеніи дѣтей своихъ; но только къ стыду такихъ отцевъ я долженъ сказать, что они не желаютъ дѣтямъ своимъ не только временной пользы, но и благъ вѣчныхъ, и что такихъ людей нельзя назвать ни истинными христианами, ни вѣрными слугами нашего Отца — Госуда я, который, постоянно заботясь о вашемъ же благополучіи, вездѣ открываетъ для васъ училища и даже приказалъ ежемѣсячно доводить до Его Царскаго слуха, какъ учатся въ этихъ школахъ ваши дѣти.

Приводите же, повторяю, дѣтей своихъ въ училище, — приводите не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, потому что дѣвочкамъ грамота не менѣе нужна. Онѣ со временемъ будутъ имѣть своихъ дѣтей, которыхъ въ вашемъ быту грамотной матери учить всему доброму и легче и сподручнѣе, чѣмъ мужчинѣ — отцу, который по своимъ хозяйскимъ дѣламъ по большей части отлучается изъ дому. Отецъ же небесный, вида ваше доброе желаніе — обучить дѣтей грамотѣ не для корысти только, а для того чтобъ просвѣтить ихъ разумъ, да услышать въ семействѣ слово Божіе, исполнить ваше христианское желаніе и, повѣрьте, благословитъ васъ полнымъ успѣхомъ. Аминь.